

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему

«Языковые средства выражения оценки как категории субъективной
модальности в публицистическом тексте Марии Степановой»

Студент

К.А. Шахмаева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

кандидат филологических наук, доцент О.Д. Паршина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические аспекты изучения оценки как категории субъективной модальности в публицистическом тексте.....	8
1.1 Особенности публицистического текста	8
1.2 Категория субъективной модальности	17
1.3 Оценка как категория субъективной модальности	24
1.4 Связь оценки с другими категориями языка.....	34
Глава 2 Лексические средства выражения оценки в эссеистике	
М. Степановой	39
2.1 Алгоритм анализа оценочных слов и выражений	39
2.2 Собственно лексические средства выражения оценки	42
2.3 Комплексные средства выражения оценки	57
Заключение	68
Список используемой литературы и используемых источников.....	71
Приложение А Оценочная лексика, выявленная в сборнике эссе	
М. Степановой «Против нелюбви».....	77

Введение

Категория модальности – одна из важнейших, стержневых категорий языка. Ее назначением является отражение сущности коммуникативного процесса. В высказывании модальность может быть представлена различными формами языка. Однако это не мешает данной категории быть одной из нерешенных проблем в области языкознания.

В научной среде существуют разнообразные подходы к трактовке понятия модальности. В нашем исследовании мы придерживаемся позиции В.В. Виноградова, который представляет модальность как грамматически выражаемое отношение говорящего к действительности, а именно: к содержанию речи, собеседнику, а также к самому себе.

Наибольший интерес для лингвистов представляет изучение субъективной модальности и средств ее выражения. Несмотря на факультативный признак, субъективная модальность является важнейшим структурно-содержательным компонентом категории модальности. Субъективная модальность выражает в тексте отношение автора к сообщаемой информации, а также репрезентирует его точку зрения, позицию и ценностные ориентации, что представляет особый интерес при изучении публицистических текстов.

Вслед за В.В. Виноградовым и Е.М. Вольф мы считаем, что смысловую основу субъективной модальности составляет оценка.

В современной науке существуют различные классификации оценки и оценочных слов. Н.Д. Арутюнова отмечает аксиологическое значение субъективной оценки и выделяет общеоценочный и частнооценочный типы. К последнему ученый относит группы сенсорных, сублимированных и рационалистических оценок. Е.Ф. Петрищева пишет об эмоциональной и интеллектуально-логической оценке. Е.М. Вольф указывает на дескриптивный и оценочный компоненты значения и разграничивает общую и частную, а также эмоциональную и рациональную оценку. Г.Я. Солганик, акцентируя внимание на оценочности публицистического текста, делит

оценочные слова на позитивнооценочные, негативнооценочные и модальнооценочные. А в работе С.Н. Суздальцевой классификация оценочных слов и выражений основана на семантическом значении.

В настоящем исследовании на материале публицистических текстов М. Степановой нами был разработан алгоритм анализа оценочной лексики. Обозначенный аспект составил **актуальность** работы.

Изучению и трактовке термина «модальность» посвящены работы В.З. Панфилова, Г.А. Золотовой, И.Ю. Куксы и других ученых. Необходимые данные о средствах выражения субъективной модальности были получены из трудов Н.Ю. Шведовой, Г.Я. Солганика. Оценке также посвящено большое число научной литературы. В представленной выпускной квалификационной работе нашли отражение позиции таких ученых, как В.В. Виноградов и Е.М. Вольф. В рамках данного исследования нас, прежде всего, интересовала возможность анализа оценочной лексики с точки зрения ее семантики, поэтому ядром научной базы послужила классификация С.Н. Суздальцевой, которая была отражена в статье «Оценочная лексика в политическом дискурсе: семантико-стилистические разряды, воздействующий результат». Ценным источником понимания экспрессивного аспекта языка стали работы И.В. Арнольд и В.Н. Цоллера. Таким образом, при подборе теоретического материала мы применяли интегральный подход – описали заявленную тему с разных сторон.

Целью данного исследования является определение лексических средства выражения оценочного значения и выявление особенностей их функционирования как маркеров субъективной модальности в публицистическом тексте М. Степановой.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

а) рассмотреть теоретические аспекты изучения категории субъективной модальности в публицистическом тексте;

б) разработать и применить алгоритм анализа оценочных слов и выражений;

в) отобрать и проклассифицировать языковой материал по теме;

г) оценить полученные данные и возможность их использования с точки зрения лингвокриминалистики.

В качестве **объекта** исследования были выбраны языковые особенности текстов эссе М. Степановой «Против нелюбви» (2019).

Предмет исследования составила оценочная лексика, рассмотренная в аспекте интегрального подхода.

В данном исследовании применялись следующие **методы**: метод анализа словарных дефиниций, метод семантического анализа, контекстуальный анализ. Языковой материал был отобран путем сплошной выборки из текстов эссе и составил 521 единицу.

На защиту выносятся **следующие положения**:

а) оценка может содержаться в семантике слов, входящих в высказывание, поэтому одним из наиболее перспективных методов анализа является выявление значения оценочной лексики, то есть семантический анализ;

б) преобладающей категорией оценочных слов и выражений в публицистическом тексте М. Степановой является рационально-оценочная лексика;

в) для комплексного анализа оценочной лексики необходимо учитывать одновременно ряд факторов: семантику, контекст, экспрессивную окраску и воздействие на адресата речи.

Теоретической базой послужили работы отечественных и зарубежных ученых по модальности (Виноградов, В.В., Гальперин И.Р., Шведова Н.Ю., Солганик Г.Я.). Были использованы работы по оценочной лексике (Арутюнова Н.Д., Вольф Е.М., Суздальцева В.Н., Стернин И.А.), а также различные словари (Большой толковый словарь русского языка, Современный

толковый словарь русского языка, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова).

Научная **новизна** исследования заключается в том, что в нем рассмотрен своеобразный подход к описанию оценочной лексики, совмещающий в себе рассмотрение лексического значения, контекста, экспрессивной окраски и воздействия на адресата текстов. Кроме того представленная модель отражает новое видение, которое может помочь при семантическом анализе оценочной лексики.

Практическая значимость работы состоит в том, что отобранный языковой материал является ценным ресурсом для филолога. А разработанный алгоритм анализа оценочной лексики, описанный во второй главе, может быть применен в рамках лингвокриминалистической экспертизы.

Основные положения диссертационного исследования были представлены на Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» в 2019г. и 2020 г., на Научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» в 2020 г., на III Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в 2020 г., а также на VII Международной научной конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 70-летию профессора Юрия Ивановича Горбунова» в 2021 г. По материалам диссертации опубликовано 5 научных работ. Практические результаты магистерского исследования были успешно использованы автором на очных занятиях по дисциплинам «Основы лингвистической интерпретации спорных текстов» и «Теория и практика лингвистической экспертизы» в Тольяттинском государственном университете.

Основные результаты исследования представлены в следующих публикациях:

а) Шахмаева К.А. Языковая репрезентация оценки в эссе М. Степановой «Позавчера сегодня» // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2019 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2020. С. 288-289;

б) Шахмаева К.А. Антитеза как средство выражения авторской оценки в эссе М. Степановой «Разговоры в царстве мертвых» // Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция (Тольятти, 13 апреля – 29 мая 2020 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2021. С. 738-740;

в) Шахмаева К.А. Соотношение эмоциональной и рациональной оценки в эссеистике М. Степановой // Язык и культура взгляд молодых. Материалы III Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26-28 мая 2020 года) / гл. ред. М.Н. Русецкая. М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 503-505;

г) Шахмаева К.А. Лексические средства выражения субъективной модальности в эссеистике М. Степановой // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, декабрь 2020 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2021. В печати;

д) Шахмаева К.А. Оценочная лексика как средство выражения субъективной модальности в эссеистике М. Степановой // «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 70-летию профессора Юрия Ивановича Горбунова»: VII Международная научная конференция (Тольятти, май 2021 года). 2021. В печати.

Глава 1 Теоретические аспекты изучения категории субъективной модальности в публицистическом тексте

1.1 Особенности публицистического текста

В настоящее время категория текста подвергается особому вниманию со стороны ученых-языковедов. Любой текст является совокупностью смыслов и представляет собой связанный знаковый комплекс. Особым текстовым материалом является публицистический текст, который выступает средством максимального воздействия на аудиторию.

Экспансия печатных СМИ усилила интерес языковедов к публицистическому тексту как могущественному средству влияния на аудиторию. Это обуславливается тем, что современная публицистика в полной мере отражает перемены не только в общественно-политической жизни, но и в языке. М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева и В.А. Салимовский отмечают, что для публицистического текста новейшего времени характерно стилистическое многообразие. Также исследователи подчеркивают тенденцию к снижению стиля и изменение его нормы. Так, в публицистический текст проникают просторечие и жаргоны, а стилевая норма сдвигается в сторону разговорности и свободы [24, с. 668].

По мнению И.А. Стернина, публицистический текст – это текст, представленный (распространенный) в жанрах печатных, телевизионных, радио- и интернет-СМИ [48, с. 285]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что публицистический текст «погружен в жизнь», «он существует только тогда, когда существует сама жизнь, он обращен не в прошлое и не может накапливать историю, а существует в настоящем» [3, с. 137]. Однако наиболее полное определение дала Е.С. Щелкунова в работе «Публицистический текст в системе массовой коммуникации». Так, исследователь рассматривает этот тип текста как «связанный знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массовой аудитории для обмена актуальной

социальной информацией, представлениями, мнениями и максимально актуализирующий потенциал текстовой динамики» [60, с. 116].

Опираясь на определение, мы можем выделить ряд функций, присущих публицистическому тексту:

- а) коммуникативная функция способствует передачи информации;
- б) познавательная (эвристическая) функция позволяет расширить представления о мире;
- в) аксиологическая функция, направленная на оценку того или иного события или явления;
- г) творчески-созидательная функция, отвечающая за создание модели мира;
- д) с помощью воспитательной функции формируются, формулируются и выражаются общественные мнения;
- е) эстетическая функция позволяет создать образ реальной действительности;
- ж) побудительная функция призвана побудить к действию или переживанию.

Как и тексты любого стиля, публицистический текст обладает специфическими чертами. Первая особенность: оперативное и непосредственное воздействие на аудиторию, которое вытекает из самой природы публицистики. Опора на фактический материал – еще одна характерная черта публицистического текста. М.И. Стюфляева отмечает, что «факт представляет собой начало всех начал, опорную категорию публицистики – ее квинтэссенцию» [50, с. 11]. Истинность и конкретность считаются двумя неизменными признаками факта и представляют собой основу публицистики. Так, этому стилю текстов присущи документализм и фактологичность.

Создание публицистического текста неразрывно связано с творческой деятельностью. Именно поэтому в текстах публицистики картина мира или ее фрагмент создается с использованием фантазии.

Реализовать творческий потенциал в публицистическом тексте помогают следующие способы:

- а) отбор и группировка фактов, подвергающихся восприятию и обсуждению;
- б) характер сообщения, при помощи которого передаются эти факты;
- в) выбор системы повествования;
- г) реконструкция описываемых событий (при необходимости);
- д) широкое использование приемов эстетически организованного письма;
- е) структура повествования;
- ж) речь действующих лиц повествования.

Публицистический текст – это всегда демонстрация определенной точки зрения на ситуацию. Выразить свою позицию автор может в открытой или скрытой форме, а разработка гипотезы и дальнейшее построение концепции высказывания всегда содержит креативный компонент.

Однако с проблемами при написании публицистического текста автор может встретиться еще на этапе предварительного отбора объективных фактов. Сложности заключаются в субъективной обработке информации. В этом проявляется еще одна проблема публицистики – использование домысла как проявления творческого начала, что особенно характерно для художественно-публицистических жанров, в том числе эссе. Здесь важно отметить следующее. Домысел – это не внедрение новых данных в текст, а доведение некой мысли до ее логического завершения. Реконструкция событий и диалогов происходит исключительно с опорой на реальные факты. Так, автор стремится к достоверности в своем описании и анализе происходящего. Это объясняет уместность термина «домысел» в публицистическом тексте и отвергает понятие «вымысел».

Также в качестве одного из важнейших признаков публицистики стоит выделить оценочность. Она включает в себя факты и мнения о них, которые в рамках высказывания могут сливаться воедино. В тексте оценочность

выражается через позицию автора, которая влияет на эффективность воздействия публицистического текста и представляет собой, по мнению Л.Г. Кайды, «социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям» [22, с. 58].

Синтез научных и художественных методов – еще одна особенность публицистики. Тексты этого стиля сочетают в себе как логическое (понятийное), так и чувственное (образное) мышление. Эту специфическую черту публицистики Е.П. Прохоров назвал синкретизмом [40, с. 246].

Именно с синкретичностью публицистического текста связана проблема истинности и объективности. Разница истины в науке и художественном творчестве проявляется в демонстрации авторской индивидуальности. Так, Э.В. Чепкина утверждает, что «об индивидуальной истине можно говорить только применительно к художественным произведениям – считается, что истина в научном тексте, пусть и имеющая автора, как раз надлична и независима от субъекта» [55, с. 16].

Критерием истинности публицистического текста выступает биографический автор, который может занимать позиции «...от почти «научно» отстраненного исследователя до человека, интересного не только тем, что он нашел факт, но и своим мнением по поводу этого факта, умением сопоставить, проанализировать, высказать самостоятельную точку зрения» [60, с. 72].

Однако позиция автора не должна быть навязана читателю. Задача публициста – установить доверительные отношения с аудиторией путем диалога. М.И. Стюфляева уверена, что «прикосновение автора к историческому факту, даже косвенная к нему причастность обуславливает высокую степень доверия читателя и способствует освоению общего замысла произведения» [50, с. 77].

Специфичной чертой функционирования публицистического текста выступает и установление коммуникационного контакта. Одним из свойств публицистики выступает интерактивность. Она направлена на получение

обратной связи от реципиентов. М.Н. Володина придерживается следующей позиции: интерактивность неразрывно связана с диалогичностью. Также исследователь отмечает стремление СМИ к контактному диалогу с аудиторией. Эту черту М.Н. Володина относит к необходимым условиям функционирования средств массовой информации в обществе [15, с. 42].

Средствами выражения диалогичности в публицистике выступают прямое и косвенное обращение к аудитории. Прямая диалогичность актуализируется во вводных конструкциях, риторических вопросах отождествлении адресата и адресанта и другими. Косвенная же диалогичность находит свое отражение в подразумевании автором реакции аудитории, в предугадывании ее позиции, а также в опережающих ответах на вопросы читателей.

Интерактивность и диалогичность представляют собой средства проявления дискурсивной природы публицистического текста. Так, дискурсивность как особая черта публицистики актуализируется во взаимоотношении автора и аудитории.

К главным признакам дискурсивности относятся следующие:

- а) ситуативность, выражающаяся прочными связями со временем и местом высказывания.
- б) социальная направленность;
- в) активизация отношений автора с аудиторией;
- г) активизация восприятия сообщения аудиторией, которая актуализируется в установке на инициативный отклик;
- д) генерализация, то есть наличие определенной установки автора.

Таким образом, основная направленность дискурсивности – поддержание диалога между автором публицистического текста и его адресатом, что позволяет отнести дискурсивную природу текста к специфическим чертам публицистики.

Публицистика, как и любой другой стиль речи, обладает определёнными устойчивыми тематическими, композиционными и стилистическими типами

произведений – жанрами. В качестве жанрообразующих выступают следующие факторы:

- а) предмет отображения;
- б) целевая установка отображения;
- в) метод отображения.

Знание жанровых признаков позволяет автору точнее представить цель своего творчества, подобрать материал и представить его в соответствии с требованиями выбранного жанра. Аудитории же знание жанровых особенностей позволяет найти интересующую публикацию, а также представить себе ее информационные возможности. В связи с этим Т.М. Балыхина отмечает, что понимание жанровой специфики публицистических произведений значимо как для автора, так и для адресата [7, с. 397].

Метод отображения действительности имеет не менее значимую роль в формировании набора характеристик публицистических текстов. Так, выделяются следующие способы отображения:

- а) фактографический;
- б) аналитический;
- в) наглядно-образный.

Фактографический способ отображения действительности направлен на фиксирование внешних, очевидных характеристик явления, а также на получение кратких сведений о предмете. При помощи аналитического способа автор проникает в суть явления, чтобы выявить скрытые взаимосвязи предмета отображения. А наглядно-образный способ отображения действительности направлен на эмоционально-художественное обобщение познанного.

На основе этих способов выделяются три основных подстиля публицистики, каждый из которых имеет свою структуру, задачи и особенности:

- а) информационный;

- б) аналитический;
- в) художественно-публицистический.

Основной частью информационного потока являются тексты информационного жанра публицистики. В периодической печати и СМИ в целом тексты такого рода выступают основными носителями оперативной информации, которые позволяют аудитории отслеживать наиболее значимые и интересные события в той или иной сфере деятельности. Всесторонность и полнота этого отслеживания обуславливается жанровым разнообразием информационных сообщений. Так, к публицистическим жанрам информационной направленности относятся: заметка, репортаж, интервью, зарисовка, отчет.

Если тексты информационного подстиля публицистики призваны сообщать людям о тех или иных событиях, явлениях или фактах, то направленность текстов аналитического подстиля – воздействие на адресата.

Средства массовой информации не только сообщают информацию, но и стремятся найти причины происходящих событий, объяснить их смысл аудитории, а также оценить влияние тех или иных явлений на жизнь общества. Именно поэтому аналитические жанры публицистики представляют собой разветвленную систему, которая со временем модифицируется и пополняется новыми типами.

Поскольку аналитические жанры имеют дело с интерпретирующей информацией, их методы ориентированы на основные логические операции: индукцию и дедукцию, установление причинно-следственных связей, анализ и синтез [23, с. 3]. По сравнению с информационными жанрами, аналитические требуют тщательного отбора, систематизации, группировки и классификации фактов, что значительно усложняет их структурную организацию. Так, к аналитическому подстилю публицистики относятся следующие жанры: статья, корреспонденция, обзор, рецензия.

В рамках данного исследования особый интерес представляет художественно-публицистический подстиль публицистики.

Художественно-публицистические жанры – это жанры, в которых представлена интерпретирующая информация, основанная на художественном анализе событий и явлений. От публицистики эти жанры переняли актуальность, остроту, логико-рациональную систему исследования, а также политическую нацеленность.

Художественно-публицистические жанры отражают социальные отношения на разных уровнях. Чаще всего они освещают отношения «человек – социальная группа» и «человек – социум» (государство, нация и тому подобное), реже «человек-человек» и «человек – я сам». В связи с этим художественно-публицистические жанры представляют собой синтез эмоционально-образного и рационально-познавательного отражения действительности, а также науки, культуры, искусства и социологии.

Стилевые особенности художественно-публицистических жанров определяются внеязыковыми факторами. К ним следует отнести актуальность, оперативность, периодичность и ярко выраженное отношение автора к содержанию высказывание. Также стоит отметить роль функций публицистики, а именно единства информационной и воздействующей. Так, первая функция определяет документальность и объективность текста, а вторая связана с его оценочностью, выразительностью, эмоциональностью и полемичностью.

От художественной же литературы эти жанры взяли образную систему и стиль повествования.

Помимо очерковых произведений, художественно-публицистические жанры включают в себя фельетон, памфлет, а также малые формы сатиры [29, с. 106]. Однако в рамках нашего исследования особый интерес представляет эссе как жанр публицистического текста.

По мнению С.В. Ляпун, эссе, будучи жанром-лидером XXI века, представляет собой один из самых продуктивных видов творчества как в европейской, так и русской национальной культуре [32, с. 105].

Эссе – жанр глубоко персонифицированной журналистики. Он сочетает в себе подчеркнуто индивидуальную позицию автора, а также изложение, ориентированное на заинтересованную аудиторию [27, с. 208]. Как отмечает «Универсальный словарь», эссе «анализирует свое время, разоблачает тоталитаризм ортодоксии, иронизирует над новоявленными проявлениями конформизма» [61, с. 1133].

В основе типологических признаков жанра эссе лежит синкретизм, который на языковом уровне определяется как «...явление, совмещающее в себе функции, признаки, значения разных языковых элементов и находящееся на периферии языковых систем» [44, с. 42]. А к стилистическим особенностям жанра можно отнести следующие:

- а) явно выраженную авторскую интенциональность, а также отчетливое проявление намеренности в осуществлении того или иного действия;
- б) использование последовательности обоснований по мере развертывания текста;
- в) объективно-субъективный способ организации информации;
- г) апеллятивность.

Стилистические особенности жанра эссе можно рассмотреть на разных уровнях языка. Характерной особенностью синтаксиса эссе является универсализм, а лексический пласт в значительной степени принадлежит к художественной манере. Так, зачастую замысел автора реализуется в использовании либо сотворении слов, образованных при помощи суффиксов субъективной оценки. В этом случае мы имеем дело с экспрессивной, узкоупотребительной лексикой, в которой субъективная оценка играет особую усилительную роль.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время языковеды проявляют особый интерес к публицистическому тексту как мощному средству влияния на аудиторию. Наибольшее внимание исследователи уделяют жанру эссе, поскольку он является одним из самых продуктивных видов творчества.

Стилистика эссе как жанра публицистического текста определяется позицией автора. Она носит имплицитный характер, а также реализуется посредством использования средств разных уровней языка. В содержательном плане эссе характеризуется яркой выраженностью модального компонента, который проявляется в субъективной оценке.

1.2 Категория субъективной модальности

Важнейшей строевой категорией языка выступает категория модальности. Она присуща языку в действии, то есть в речи, и поэтому «является самой сущностью коммуникативного процесса [18, с. 113].

Модальность отражается в различных языковых формах. Так, авторское отношение к реальности может быть выражено средствами морфологии, лексики, фразеологии и синтаксиса. Также модальное значение передается просодическими и стилистическими средствами. Однако разнообразие языковых форм модальности не мешает этой категории быть одной из нерешенных проблем в области языкознания.

В настоящее время ученые придерживаются различных взглядов на определение понятия модальности. Британские лингвисты считают эту категорию данностью. В работах ученых отсутствуют определения понятия модальности, а акцент делается на формы, в которых она проявляется [65]. Отечественные ученые придерживаются иной позиции. Они отождествляют модальность с предикативностью и рассматривают их как явления одного порядка [36, с. 37-48]. В некоторых работах отражено узкое понимание модальности. В них эта категория рассматривается как выражение достоверности или недостоверности высказывания, что, в свою очередь, основывается на понятии реальности и ирреальности суждения в логике [21, с. 65-79].

Среди отечественных ученых, посвятивших свои труды изучению категории модальности, следует отметить В.В. Виноградова. Лингвист

выступал против узкого подхода к пониманию сущности этого явления. По мнению В.В. Виноградова, модальность – это «грамматически выражаемое отношение говорящего к действительности, а именно: к содержанию речи, собеседнику, а также к самому себе» [13, с. 55].

Основополагающим критерием, характеризующим данную категорию, выступает выделение объективной и субъективной модальности.

Объективную модальность ученые относят к обязательным признакам любого высказывания и характеризуют ее как одну «из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение» [9, с. 361]. А основной критерий, заложенный в сущность объективной модальности, представляет собой степень реальности или ирреальности происходящего.

Объективная модальность может быть выражена категорией модального наклонения. На уровне синтаксиса эта категория отражается в противопоставлении форм изъявительного наклонения формам сослагательного и повелительного. Индикатив включает в себя объективно-модальные значения реальности, то есть временной определенности. Соотношение же форм сослагательного и повелительного наклонений характеризуется временной неопределенностью. Так, специальные модификаторы (глагольные формы и частицы) могут указывать на план желаемого, требуемого или необходимого.

Итак, объективная модальность органически связана с категорией времени и дифференцирована по признаку временной определенности и неопределенности.

Несмотря на факультативный признак высказывания, субъективная модальность является важнейшим структурно-содержательным компонентом категории модальности. Субъективная модальность выражает в тексте отношение автора к сообщаемой информации, а также репрезентирует его точку зрения, позицию и ценностные ориентации. Поскольку субъект стремится к адекватному восприятию сообщения адресатом через выражение своего отношения к определенной проблеме, для интерпретации текста

прежде всего релевантна субъективная модальность. Данная категория выражает отношение говорящего, показывает степень его уверенности в сообщаемом, а также определяет вероятность достоверности информации [28].

Субъективная модальность охватывает разноаспектные и разнохарактерные способы квалификации сообщаемой информации. Реализация данной категории возможна следующими способами.

а) наиболее продуктивным средством выражения субъективной модальности выступает специальный лексико-грамматический класс слов. Также к этому классу можно отнести функционально близкие словосочетания и предложения;

б) категория модальности находит свое проявление и в специальных частицах. В них может заключаться выражение неуверенности (*вроде*), предположения (*разве что*), недостоверности информации (*якобы*), удивления (*ну и ну*), опасения (*чего доброго*) и так далее;

в) для выражения субъективной модальности часто используются междометия (*ах!*, *ой-ой-ой!*, *увы* и так далее);

г) также субъективная модальность может быть выражена интонационными средствами, которые акцентируют экспрессивные оттенки отношения к сообщаемой информации. Так, при помощи интонации может быть отражено удивление, сомнение, уверенность, недоверие, протест, ирония и другие;

д) к порядку слов, который представляет собой еще одно средство выражения субъективной модальности, относится вынесение главного члена предложения в начало высказывания. Основное назначение этого средства – передать ироническое отрицание (*Станет он тебя слушать! Хорош друг!*);

е) реализовать категорию модальности помогают специализированные структурные схемы предложения или схемы построения его компонентов. Так, предложение типа «*Нет чтобы подождать*» может выражать сожаление

по поводу чего-либо неосуществившегося. А построение типа «*Она возьми и скажи*» отражает неподготовленность, внезапность действия [59].

Так, на уровне текста модальность рассматривается как категория, в которой объективное и субъективное принципиально неразделимы. Эти категории являются взаимосвязанными и служат для передачи различных планов отношений. Однако наиболее актуальным оказывается значение отношения говорящего к сообщаемому, то есть субъективная модальность.

По мнению Н.Ю. Шведовой, русский язык имеет широкие возможности для выражения личного отношения к сообщаемому. Так, ученый считает, что субъективная модальность может быть маркирована следующими средствами:

- а) специальными синтаксическими конструкциями (*Наши березовский старики смехом смеялись, как такое услышали* (Бажов);
- б) лексическим повтором (*И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры...* (Гоголь);
- в) порядком слов (*Хорош мальчик!*);
- г) конструкциями с частицами (*Поговори мне еще!*);
- д) конструкциями с глагольными формами, наречиями и согласуемыми словами в роли модальных частиц (*Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность* (Есенин);
- е) конструкциями с междометиями (*Эге, вот оно в чем дело-то!*);
- ж) вводными конструкциями (*Воля твоя, я не согласен*);
- з) интонацией.

Так, Н.Ю. Шведова отмечает разнообразие субъективно-модальных значений в русском языке. Ученый отмечает, что эти значения не ограничиваются выражением уверенности или неуверенности в достоверности сообщаемого (*Кажется, дождь*). Субъективно-модальные значения могут передавать: согласие, принятие или несогласие, неприятие (*Ехать так ехать*); положительную или отрицательную оценку (*Ай да молодец!*); разные виды волеизъявления (*Освобожусь, тогда поговорим*); множественность, полноту, интенсивность (*Наверху туман, туман, туман...*);

единственность и исключительность (*Вот голос так голос!*) и многие другие значения [42, с. 216-237]. По мнению Н.Ю. Шведовой, отношение говорящего к сообщаемому «...почти всегда экспрессивно окрашено, поэтому субъективно-модальные значения можно назвать модально-экспрессивными» [58, с. 364].

Являясь общеязыковой категорией, субъективная модальность охватывает все уровни языка: просодический, морфемный, лексический и синтаксический.

а) просодические средства выражения модальности представлены всем набором интонационных средств выражения коннотативного значения высказывания. Они используются для акцентирования различных эмоционально-модальных оттенков отношения к сообщаемому;

б) словообразовательные средства выражения субъективной модальности представляют собой «комплексную единицу системы словообразования, формирующуюся совокупностью словообразовательных типов на базе общности словообразовательного значения модальности» [26, с. 20]. Так, к словообразовательным средствам выражения субъективной модальности можно отнести специальные морфемы, имеющие эмоционально-экспрессивное и оценочное значение;

в) к морфологическим средствам экспликации модальности можно отнести формы времён и наклонений глагола, конструкции с синтетической формой повелительного наклонения второго лица единственного и множественного числа, а также местоимения второго лица и степени сравнения прилагательных;

г) синтаксические средства выражения субъективной модальности. Субъективная модальность представляет собой центральную категорию модального синтаксиса. Словосочетания, являясь частью высказывания, косвенно формируют субъективно-модальное значение путем осуществления синтаксической связи между словами. Объективная связь между предметами

действительности переплетается с оценочным значением компонентов, что позволяет их общности преобразиться в субъективно-модальное значение.

К синтаксическим средствам выражения субъективной модальности можно отнести различные типы вводных и вставных слов и конструкций (*полагаю, по правде говоря* и другие), повторы, а также особые синтаксические конструкции.

д) однако в рамках нашего исследования наибольший интерес представляют лексические средства выражения модальности. Они представлены широким кругом коннотативных (эмотивно-оценочных), экспрессивно-синонимических и переносных значений.

Т.В. Романова утверждает о невозможности понимания текста вне системы ценностей и оценки [41, с. 67]. Такого же мнения придерживается и Г.Я. Солганик, относящий к средствам выражения субъективной модальности оценочную лексику и фразеологию [46]. Так, для экспликации эмоционально-оценочной модальности наиболее употребимыми являются лексемы, объединенные общей семой «хорошо/плохо». А использование фразеологических единств и фразеологических сочетаний придает дополнительную модальную окрашенность высказыванию.

Так, к лексическим средствам выражения субъективной модальности относятся междометия, частицы, слова в прямом и переносном оценочно-характеризующем значении, а также фразеологизмы.

Несмотря на то, что междометия представляют собой обособленные языковые единицы, они остаются связанными со смыслом всего высказывания и употребляются в соответствии с его содержанием. Помимо выражения эмоциональных оттенков и волеизъявления адресанта, междометия способны развивать модальный потенциал высказывания. По этому поводу И.Р. Гальперин пишет: «Прямым и непосредственным выразителем субъективно-оценочной модальности высказывания является также междометие» [18, с. 120]. В свою очередь, О.А. Рыжкина, говоря о междометии, отмечает следующее: «По-видимому, можно говорить о

междометном значении как особом виде лексического значения, которое связано с выражением субъективного отношения говорящего к действительности и является ситуативно и интонационно обусловленным» [43, с. 33]. Так, междометия, сближаясь с экспликаторами субъективности, способны выступать в роли эквивалента предложения и выполнять функцию модального квалификатора.

В чистом виде субъективно-модальное отношение к сообщаемому выражают только модальные частицы. Однако стоит отметить, что модальные значения (в частности оценочные и экспрессивные) в том или ином виде присутствуют и в вопросительных, а также отрицательных частицах. Это средство может выполнять функцию субъективно-модальных квалификаторов, поскольку дополнительные оттенки, вносимые частицами в предложение, связаны с точкой зрения говорящего, оценивающего содержание высказывания с позиции логики, эмоций и других аспектов.

Слова в прямом оценочно-характеризующем значении образуют обширную категорию лексики. Как правило, к ним относятся лексемы разговорного стиля или просторечия. Такие слова имеют пометы «бранное», «грубое» и обладают субъективно-модальным значением. Слова же с позитивным оценочно-характеризующим значением представляют собой менее обширную группу.

Для выражения субъективной модальности в публицистическом тексте авторы нередко используют разнообразные средства выразительности, которых можно выделить метафору. Частотность употребления метафоры обуславливается способностью данного средства развертываться даже в коротких текстах. Так, Т.В. Романова пишет: «Если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора, то можно ожидать её развертывания по самым разнообразным направлениям» [41, с. 83].

Теория модальности, разработанная В.В. Виноградовым и представителями его школы, имеет большое значение для исследования природы оценки. Так, ученый рассматривает последнюю как один из видов

модальности. В.В. Виноградов объясняет это тем, что оценка выражает отношения субъекта к объектам действительности.

Таким образом, современная лингвистика рассматривает модальность довольно широко. Ученые относят ее к универсальной категории, которая передает отношение говорящего к высказыванию и актуализируется при помощи разнообразных средств. Особый интерес представляет разграничение объективной и субъективной стороны модальности. Так, объективная модальность рассматривается как нечто общеязыковое, общенациональное, а субъективная модальность как частное, принадлежащее к определенному коммуникативному акту.

Исходя из этого, в своем исследовании мы рассматриваем оценочность как составную часть субъективной модальности.

1.3 Оценка как категория субъективной модальности

Категория оценки рассматривалась в исследованиях таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, П.А. Лекант и других. Однако до сих пор одним из дискуссионных вопросов остается вопрос квалификации данной категории в лингвистическом плане.

С одной стороны, оценку можно рассмотреть как признак значимости (утилитарности) отдельного объекта для субъекта. Такого мнения придерживается Н.Д. Арутюнова, характеризуя оценку следующим образом: «это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [3].

С другой стороны, категория оценки рассматривается как вид модальности. А. Вежбицкая пишет: «Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержит дескриптивную компоненту или недескриптивную, то есть модальную компоненту, причем первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто

по их поводу» [11, с. 11]. В свою очередь, В.В. Виноградов отмечает, что «с категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются ... разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и тому подобное)» [13, с. 62]. Так, эмоционально-экспрессивную оценку ученый относил к виду модальности.

Вслед за В.В. Виноградовым и Е.М. Вольф мы считаем, что смысловую основу субъективной модальности составляет оценка.

По мнению Е.М. Вольф, оценка – семантическое понятие, подразумевающее ценностный аспект значения языковых выражений, «который может интерпретироваться как: «А (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший/плохой» [16, с. 5-6]. Стоит отметить, что оценочное высказывание не может рассматриваться с позиции достоверности, соответствия действительности, поскольку оценка – это суперсубъективная категория мышления, являющаяся выражением авторского мнения и взглядов.

При рассмотрении оценки с точки зрения языка все ее структурные компоненты можно разделить на обязательные и факультативные. Так, главными элементами оценки выступают следующие: ее субъект (тот, кто оценивает), объект (то, что подвергается оценке), а также сам оценочный элемент высказывания. Е.М. Вольф отмечает, что субъект/объект в структуре оценки и субъективность/объективность в ее семантике представляют собой разнопорядковые явления. Ученый пишет: «И субъект, и объект «оценки» предполагает наличие субъективного и объективного факторов, которые находятся в сложном взаимодействии. Субъект оценки выражает свое отношение к объекту оценки и при этом опирается на нормативные, стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки. Объект оценки, в свою очередь, также вбирает в себя субъективные и объективные свойства» [16, с. 23].

В современной науке существуют различные классификации оценки и оценочных слов. К наиболее известным относится типология объективных и субъективных оценок, которые Шарль Балли назвал диктумом и модусом

соответственно. Роль диктума заключена в выражении отношения говорящего к действительности с точки зрения реальности или нереальности происходящего. А модус же включает рациональную оценку и соотносит высказывание с действительностью.

Согласно классификации Н.Д. Арутюновой, к аксиологическим значениям субъективной оценки относятся общеоценочный и частнооценочный типы. Общеоценочные слова содержат маркеры «хороший – плохой», на основе которых формируются градуальные синонимические ряды. Так, доминантой первого ряда служит слово хороший – отличный, прекрасный, замечательный, великолепный. Второй же синонимический ряд антонимичен первому и содержит доминанту, актуализирующуюся в слове плохой – нехороший, скверный, дрянной и так далее [3, с. 75].

Более обширной и разнообразной группой являются частнооценочные слова и выражения. К ней относятся значения, оценивающие только один аспект объекта с определенной позиции. Так, классификация Н.Д. Арутюновой основывается на определении характера основания оценки и ее мотивации.

К частнооценочным значениям относятся следующие категории:

а) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (*приятный – неприятный, вкусный – невкусный, душистый – зловонный* и другие). Н.Д. Арутюнова отмечает, что «это наиболее индивидуализированный вид оценки» [3, с. 75];

б) психологические оценки, осмысляющие мотивы оценки и направленные в сторону рационализации:

1) интеллектуальные оценки (*интересный, увлекательный, глубокий, умный, поверхностный, скучный, глупый*),

2) эмоциональные оценки (*радостный – печальный, желанный – нежеланный, приятный – неприятный*);

в) эстетические оценки, в основе которых лежит синтез сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный*);

г) этические оценки (*моральный – аморальный, добрый – злой, добродетельный – порочный* и другие);

д) утилитарные оценки (*полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный*);

е) нормативные оценки (*правильный – неправильный, нормальный – аномальный; стандартный – нестандартный, бракованный; здоровый – больной*);

ж) телеологические оценки (*эффективный – неэффективный, целесообразный – нецелесообразный, удачный – неудачный*).

Перечисленные категории частнооценочных значений образуют три группы. Так, первые две категории оценок входят в группу *сенсорных оценок*, связанных с физическим и психическим чувственным опытом.

Слуховая (звуковая) сенсорная оценка формирует градуальные ряды повышения или понижения звучания, которые могут представлять собой шкалу положительных и отрицательных оценок. Центральная часть шкалы положительной оценки, как правило, соотносится с нормой: *звучащий, говорливый, мелодичный* и другие. Вершинная и конечная части этой шкалы отклоняются от нормы и сочетаются с превышением или преуменьшением силы звука: *шумный, ликующий, немой*. Градуальный ряд отрицательных оценок также отклоняется от нормы, поскольку вызывает у адресата дисгармоничное ощущение: *глухой, визгливый, пронзительный* и другие.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что среди сенсорных значений «наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты зрительных ощущений» [3, с. 42]. Так, на первый план ученый выдвигает зрительную сенсорную оценку.

Зрительная оценка основана на показателях света и цвета, основу которой составляет дихроматическая, хроматическая и ахроматическая

лексика. Так, слова первого вида зрительной оценки передают антонимию белого и черного цвета. Слова и выражения, относящиеся к хроматической лексике, отражают разнообразие цветов. А ахроматическая лексика передает бесцветность предметов. Стоит отметить, что зрительная оценка не всегда связана с показателями положительной и отрицательной оценки. Этот вид сенсорной оценки характеризуется индивидуальностью отбора цветовой лексики, которой присуща определенная символика.

Менее частотными типами сенсорной оценки являются вкусовая, тактильная оценки, а также оценки органов осязания. Об этой группе сенсорных значений Н.Д. Арутюнова пишет: «Лексика, относящаяся к результатам незрительных восприятий, сравнительно бедна. Ее «богатство» окказионально и перемененно. Оно взято взаймы у конкретной лексики – более всего у имен естественных реалий – вкус вишни, запах сирени» [3, с. 42].

Оценки незрительных восприятий отличаются субъективными вкусами автора. Обладая переменчивым значением, они обуславливают как положительную, так и отрицательную оценку каждой лексемы.

Являясь подтипом психологической оценки, эмоциональная оценка репрезентирует положительные и отрицательные чувства автора, вызванные объектом оценки, его действиями, состоянием и так далее. Как правило, она актуализируется в антонимических парах: *хороший – плохой, любимый – ненавистный* и другие.

Средствами выражения положительных и отрицательных эмоциональных значений могут выступать абсолютная (*хорошо – плохо*) и сравнительная (*хуже – лучше*) формы. Еще одно средство – модальные слова (*рад, обязан*). Также выражать эмоциональную оценку могут вводные слова, логическое ударение и порядок слов.

Предикаты группы сенсорных оценок в большей мере характеризуют вкусы субъекта оценки, чем сам объект. В этом случае субъект оценки выступает в роли психического и физического рецептора. С одной стороны он

характеризуется тонкостью или грубостью восприятия, а с другой – глубиной или поверхностностью переживаний (*тонкий вкус, глубокое понимание* и пр.).

Вторую группу образуют *сублимированные оценки*, к которым можно отнести эстетические и этические оценки. Н.Д. Арутюнова считает, что этическая оценка применима «ко всему, что устремлено к облагороженной модели малого и большого мира, то есть к тому, что человек считает «добром». Это высшее добро лингвистика определить не может. Она может лишь подтвердить, что употребление общеоценочных предикатов (хороший и хорошо, плохой и плохо) обусловлено отношением к идеализированной модели мира» [3, с. 181]. Так, эта категория оценки связана с удовлетворением или неудовлетворением нравственных чувств автора. А этическая лексика современного русского языка включает в себя положительные и отрицательные оценки, выраженные в абсолютной и сравнительной формах прилагательного и наречия.

Высказываясь о эстетической, а также об этической оценках, Н.Д. Арутюнова отмечает: «Эти два вида чувствований составляют ядро духовного начала человека, моделируемого по вертикали». Так, ученый подчеркивает, что «высоту» и «низость» эстетической оценки усиливают метафоры и интенсификаторы: *высокохудожественный, низкопробный, уродливый* [3, с. 198-199].

Эстетическая оценка отражает реакцию автора на различные стимулы объективной действительности, которые осмысляются при помощи операторов «прекрасное – безобразное». Репрезентироваться же данный тип оценки может при помощи прилагательных и наречий в абсолютной или сравнительной формах.

Утилитарные, нормативные и телеологические оценки входят в группу *рационалистических оценок*. Эти оценки связаны с ментальностью автора и могут выражать одобрение или осуждение какой-либо нормы. Н.Д. Арутюнова связывает рационалистические оценки с практической деятельностью человека [4, с. 76]. Так, свойства и значимость знания, его

практические последствия могут характеризоваться утилитарными, или прагматическими оценками (*полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный*). Нормативные оценки отражают одобрение или неодобрение какой-либо нормы, осуждение того или иного явления (*правильный – неправильный, нормальный – аномальный*). А телеологические оценки указывают на степень достижения той или иной цели (*эффективно – неэффективно, удачно*).

Рационалистические оценки создают объективный и субъективный континуум, который ставит условия реализации процесса коммуникации в тексте. Также эта группа оценок выражает отношения автора к сообщаемому и указывают на его знание/незнание, на соответствие явления норме, на достоверность, вероятность, сомнение или же желание/нежелание.

Еще одна классификация оценок была предложена Н.Н. Мироновой [33]. Ученый анализирует структуру оценочного дискурса и выделяет следующие виды оценок:

а) аксиологические оценки, включающие в себя также этические, эстетические, утилитарные, политические/идеологические, религиозные и эмоциональные;

б) модальные оценки со значением необходимости, долженствования и возможности;

в) экзистенциальные оценки;

г) временные оценки;

д) оценки величин;

е) пространственные оценки.

Также Н.Н. Миронова все оценки традиционно делит на общие и частные, а последние, вслед за Н.Д. Арутюновой, – на рациональные и эмоциональные.

Несмотря на то, что эмоциональная и рациональная оценки выражают две разные стороны отношения субъекта к объекту: его чувства и мнение [16, с. 42], в естественном языке, как утверждает Е.М. Вольф, не может быть чисто

эмоциональной оценки, поскольку сам язык предполагает рациональный аспект. Однако оба типа оценки имеют разные способы выражения. Это напрямую зависит от рационального или эмоционального начала, который лежит в основе суждения о ценности объекта.

Существует несколько мнений по поводу соотношения эмоциональной и рациональной оценки. Представители эмотивизма отмечают первичность эмоциональной стороны в речи [62, с. 23]. Второе мнение сводится к приоритетности рациональной оценки над эмоциональной. Так, Н.Д. Арутюнова и Е.М. Вольф рассматривают эмоциональную оценку как вид психологической оценки [4, с. 23; 16, с. 56], а А.Н. Баранов этот же тип относит к признакам рациональной оценки, способным к актуализации в речи [8, с. 87].

Следующая классификация принадлежит Е.Ф. Петрищевой. В своей работе ученый пишет об эмоциональной и интеллектуально-логической оценке [39, с. 51-53]. В свою очередь, Г.Я. Солганик, акцентируя внимание на оценочности публицистического текста, делит оценочные слова и выражения на позитивнооценочные, негативнооценочные и модальнооценочные [45, с. 37].

Однако в рамках нашего исследования наибольший интерес представляет семантическая классификация оценочных слов и выражений В.Н. Суздальцевой [51, с. 324-325].

Оценочная лексика публицистического текста имеет многосоставную и дифференцированную структуру. В рамках одного контекста слова и выражения могут по-разному передавать оценку и иметь различную коннотацию. Стоит отметить, что подобные оценочные значения могут выходить за рамки приведенных ранее классификаций.

В.Н. Суздальцева предлагает следующие категории оценочной лексики.

а) собственно оценочная лексика, представляющая собой эмоционально нейтральные слова и выражения, которые, в свою очередь, исчерпываются лексическим значением. Собственно оценочная лексика представлена антонимичной парой *хороший – плохой*, а также производными от них: *лучший*,

худший, скверный, пагубно и другие. К собственно оценочной лексике можно отнести небольшое количество слов и выражений. Это обосновывается тем, что оценочные смыслы в публицистическом тексте, как правило, сопровождаются эмоциональными коннотациями.

б) эмоционально-оценочная лексика также выражает оценочное значение, а также сопровождается эмоциями. Позитивная эмоционально-оценочная лексика актуализируется в словах *замечательный, превосходный, молодец, чудесно, отлично* и так далее. А негативная эмоционально-оценочная лексика может быть представлена словами *дрянной, негодяй, отвратительно, вопиющий* и другими.

в) к дескриптивной лексике с эмоционально-оценочными коннотациями относятся слова и выражения, которые называют нейтральные явления. Стоит отметить, что они не принадлежат ни к положительным, ни к отрицательным. Это подтверждается наличием безоценочных понятийных эквивалентов. Например: *думцы* – депутаты Государственной думы, *эпоха* – период времени. Также к дескриптивной лексике с эмоционально-оценочными коннотациями относятся слова с некоторыми аффиксами. Прежде всего они актуализируются в лексемах с префиксом *про-*: *провластный, проправительственный* и так далее.

г) рационально-оценочная лексика. Эмоционально нейтральные слова и сочетания слов данной категории обозначают явления и качества, социально одобряемые или неодобряемые в конкретной лингвокультуре. Так, к ним могут относиться следующие лексемы: *авторитетный, ответственный, порядочный, мужество, патриот, жизнь, коррупция, жестокость, ложь, безнаказанность* и так далее. В «Стилистическом энциклопедическом словаре» слова данной категории названы «нейтральной лексикой с рационально-оценочной коннотацией» [25, с. 143].

д) слова и выражения, принадлежащие рационально-оценочной лексике с эмоциональными коннотациями, обозначают явления, которые воспринимаются как социально одобряемые или не одобряемые, а также

окружаются коннотациями, выражающими авторское оценочное отношение. Например: *герой, гражданин, мракобес, ретроград, показуха, произвол* и так далее.

е) к номинативно-кваликативной лексике относятся конкретные оценочные существительные в форме именительного падежа в сочетании с генитивом, построенные по следующему типу: *человек года, имя России, имя Победы* и некоторые другие. В подобных сочетаниях семантическая структура существительного в именительном падеже усложняется опущенным определительным компонентом суперлативного значения: *самый выдающийся человек, самое значительное имя*.

ж) лексика альтернативной семантики. Слова данной категории выражают оппозицию между двумя событиями или явлениями и могут актуализироваться в лексемах *другой, против* и так далее.

Лишенная эмоциональной окрашенности рационально-оценочная лексика обеспечивает когнитивное освоение представленной в тексте действительности. В аксиологической интерпретации картины мира такие слова получили название «концептуальные» слова [46, с. 30]. Названные ими качества и свойства вызывают у адресатов стереотипные оценочные представления при условии не критичности восприятия.

В свою очередь, оценочная лексика с эмоциональными коннотациями обеспечивает эмоциональную реакцию адресатов.

Таким образом, одним из дискуссионных вопросов в современном языкознании остается вопрос квалификации категории оценки в лингвистическом плане. Некоторые ученые рассматривают оценку как признак значимости (утилитарности) отдельного объекта для субъекта. Другие же характеризуют данную категорию как вид модальности.

Вслед за В.В. Виноградовым и Е.М. Вольф к смысловой основе субъективной модальности мы отнесли оценку, которую рассмотрели как суперсубъективную категорию мышления.

В современной науке существуют различные классификации оценки и оценочных слов. К наиболее известным можно отнести типологию объективных и субъективных оценок Шарля Балли. В основе классификации Н.Д. Арутюновой лежит разделение субъективных оценок на аксиологические общеоценочные и частнооценочные. Однако в рамках нашего исследования наибольший интерес представляет семантическая классификация оценочных слов и выражений В.Н. Суздальцевой.

1.4 Связь оценки с другими категориями языка

Оценочный компонент не всегда вычленяется из структуры значения единицы языка и речи, поскольку на него могут наслаиваться такие языковые явления, как эмоциональность и экспрессивность. Близость, а иногда и взаимопроникновение элементов данных категорий обусловлены онтологически. Чаще всего оценки сопровождаются эмоциональными коннотациями, а смысл высказывания подчеркивается особым повышенным эмоциональным состоянием адресанта. Экспрессивность же в этом случае служит для передачи отношения автора к тому или иному объекту или субъекту.

Объединение названных категорий происходит и в функционально-прагматическом плане. Так, оценочность, эмоциональность и экспрессивность отражают субъективное отношение адресанта, а также выполняют функцию воздействия. В результате этого многие языковые единицы одновременно являются носителями оценочного, эмоционального и экспрессивного значений. А условия речевого контекста позволяют им приобрести стилистическую окраску.

В лингвистической среде нередко возникает представление о том, что соответствующие рассматриваемым явлениям понятия сближаются по употреблению и толкованию. Так, в своих трудах Е.М. Галкина-Федорук (1958), И.В. Арнольд (1975), И.А. Стернин (2018) отмечают смешение понятий

эмоциональности и оценки, Н.А. Лукьянова отождествляет экспрессивность и «эмоциональную оценку» (1986), а М.Н. Кожина (2008) придерживается позиции, что все оценочные номинации являются заведомо экспрессивными. Также многие ученые стремятся создать собственные терминологические наименования. Н.А. Лукьянова предлагает понятие «эмоционально-оценочный экспрессив», а В.Г. Гак использует термин «положительная и отрицательная субъективная экспрессивность».

Рассмотрим взаимосвязь категории оценки и категории эмоциональности.

Эмоциональность определяется как состояние, которое возникает в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связей. Так, В.Н. Цоллер описывает эту категорию, как «отраженное и закрепленное в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту» [54, с. 64].

Некоторые ученые (Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский, А.О. Чернейко, И.Н. Худяков) объединяют эмоциональный и оценочный компонент в один и называют их «эмоциональной оценкой». Такой подход основывается на составе помет большинства словарей, в которых лексика разного характера маркируется одинаково. Обосновывая данную теорию, И.Н. Худяков пишет: «При непосредственном коммуникативном акте оценка не может не сопровождаться эмоциями» [53, с. 81].

По мнению А.О. Чернейко, «выбор знака оценочного высказывания субъектом оценки определяется принятием или неприятием личности, другого объекта оценки» [56, с. 44]. Так, оценка перенимает соответствующую эмоцию, а их параметры совпадают: «приятное» – «хорошее», «неприятное» – «плохое».

Однако такие ученые, как М.Н. Кожина, Т.В. Маркелова придерживаются мнения, что эмоции могут выражаться отдельно от оценки. Исследователи отмечают, что данные категории возникают одновременно, а не на основе друг друга.

Одной из близких к категории оценки является также категория экспрессивности. В.Н. Гридин определяет ее как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [19, с. 591].

Если категория эмоциональности произвольна и непреднамеренна, то экспрессивность – это средство целенаправленного воздействия на адресата с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности. Так, В.Н. Цоллер отмечает следующие функции экспрессивности: «усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [54, с. 62]. В семантическом же плане ученый отмечает передачу особого, специфического содержания с помощью необычных средств.

Экспрессивность и оценка – два взаимосвязанных понятия. Чаще всего эти категории сосуществуют в одном слове, поскольку при оценивании того или иного явления субъект, как правило, избирает экспрессивные средства языка.

Близость, а иногда и взаимопроникновение элементов категорий оценки, эмоциональности и экспрессивности не всегда позволяют вычленить оценочный компонент из структуры значения единицы языка и речи. Оценка и эмоциональность, входя в языковое высказывание, обогащают и дополняют его информативный объем. Экспрессивность же не меняет заложенный смысл, а усиливает его. Также стоит отметить, что в оценочном высказывании содержатся сведения о ценностной значимости для адресата того или иного объекта, события или явления, в чем и заключается цель высказывания. Основная же задача экспрессивно-окрашенного сообщения состоит в выражении представления адресата о «предмете» и в большей степени воздействовать на реципиента.

Выводы по первой главе

В настоящее время публицистический текст представляет собой мощное средство влияния на аудиторию, что вызывает особый интерес у лингвистов. Это обуславливается тем, что современная публицистика в полной мере отражает перемены не только в общественно-политической жизни, но и в языке.

Наиболее продуктивным жанром публицистики является эссе. Данный жанр характеризуется яркой выраженностью модального компонента, который определяется позицией автора.

Поскольку современная лингвистика рассматривает модальность довольно широко, особый интерес вызывает разграничение объективной и субъективной сторон модальности. Объективная модальность рассматривается как нечто общеязыковое, общенациональное. Субъективная же модальность выражает частное, принадлежащее к определенному коммуникативному акту.

Составной частью субъективной модальности выступает оценочность. Вопрос квалификации категории оценки в лингвистическом плане является одним из самых дискуссионных вопросов в современном языкознании. Так, некоторые ученые рассматривают оценку как признак значимости (утилитарности) отдельного объекта для субъекта. Другие же характеризуют данную категорию как вид модальности. Придерживаясь последней позиции, В.В. Виноградов и Е.М. Вольф относят оценку к смысловой основе субъективной модальности и рассматривают ее как суперсубъективную категорию мышления.

В современной науке существуют различные классификации оценки и оценочных слов. К наиболее известным можно отнести типологию объективных и субъективных оценок Шарля Балли. В основе классификации Н.Д. Арутюновой лежит разделение субъективных оценок на аксиологические общеоценочные и частнооценочные. Однако анализ лексики, при помощи которой в публицистике передаются оценочные смыслы,

обнаруживает наличие многосоставной и дифференцированной структуры. В пределах одного контекста можно встретить слова и выражения, отличающиеся по способу выражения оценки, а также характеру коннотаций. Именно поэтому в рамках нашего исследования наибольший интерес представляет семантическая классификация оценочных слов и выражений В.Н. Суздальцевой.

Близость, а иногда и взаимопроникновение элементов категорий оценки, эмоциональности и экспрессивности не всегда позволяют вычленить оценочный компонент из структуры значения единицы языка и речи. Оценка и эмоциональность, входя в языковое высказывание, обогащают и дополняют его информативный объем, в этом случае происходит своеобразное удвоение смысла, которое иногда способно изменить значение высказывания. Экспрессивность же не меняет заложенный смысл, а усиливает его.

Подробнее лексико-семантические средства выражения оценки будут рассматриваться в следующей главе в аспекте функционирования в эссеистике.

Глава 2 Лексические средства выражения субъективной модальности в эссеистике М. Степановой

2.1 Алгоритм анализа оценочных слов и выражений

Среди множества функций языка особый интерес представляет оценочная, или регулятивная функция. В структуре значения единиц каждого языка можно обнаружить оценочный компонент. Так, В.В. Виноградов пишет: «Предметное значение слова до некоторой степени формируется оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значения» [13, с. 21].

В связи с развитием такого научного направления, как лингвокриминалистика, в последнее время возникает вопрос о статусе оценочного высказывания и о возможностях его лингвистического анализа.

Поскольку оценка может содержаться в семантике слов, входящих в высказывание, одним из наиболее перспективных методов анализа является выявление значения оценочной лексики, то есть семантический анализ. Он осуществляется с целью выявления выраженных смыслов и характера воздействия на адресата.

Однако оценка определяется не только семантикой слов, но и содержанием всего высказывания, сочетанием оценочных слов и предикатов. Отсюда следует, что при выполнении семантического анализа стоит учитывать ряд принципов, применение которых в опоре на конкретные лингвистические маркеры позволяет обеспечить достаточную лингвистическую объективность при анализе языкового материала.

Определение значения оценочного слова – первый этап анализа оценки. При его выполнении важно учитывать многозначность слов и выражений, которые могут варьироваться в зависимости от контекста. Так, при выполнении анализа необходимо максимально полно описать все значения характеризуемого слова, а также выявить диагностические лингвистические маркеры, подтверждающие его актуальность в высказывании.

Так, в нашем исследовании установление значений оценочной лексики будет опираться на толковые словари Т.Ф. Ефремовой, С.А. Кузнецова, а также С.И. Ожегова.

Второй этап семантического анализа оценки – учет контекста. После определения многозначности слова и его атрибуции в высказывании необходимо провести анализ контекста употребления оценочного слова. Также на данном этапе важно выявить языковые маркеры, которые указывают на актуализацию конкретных значений оценочной лексики. Если же контекст не содержит необходимой для анализа семантики слова или выражения диагностической информации, то в этом случае стоит учитывать коммуникативную ситуацию. Так, этот принцип может послужить маркером актуализации значения.

Третий этап – определение вида экспрессивности и средств ее выражения. И.В. Арнольд предлагает следующие виды экспрессивности:

а) образная экспрессивность основана на метафорическом переносе, который происходит внутри слова. А.Н. Баранов отмечает, что в результате метафорического переноса происходит проецирование понятийной области источника на область цели, в результате которого профилируются различные свойства цели [8, с. 73]. Профилирование же, в свою очередь, приводит к появлению следствий из метафоры, которые могут подвергаться анализу.

Стоит отметить, что следствия из метафоры не формулируются в явном виде. Информация в данном средстве выражения оценки подается скрытно и поддерживается контекстом. Также важно отметить, что метафорический перенос, как правило, затрагивает лишь некоторые существенные характеристики области источника. Так, эту особенность метафоры Дж. Лакофф называет «фрагментарностью метафорического структурирования» [63, с. 89];

б) указателями увеличительной экспрессивности являются интенсификаторы. Примером одной из групп данных указателей могут служить усилительные наречия, чей состав постоянно растет и обновляется.

Также И.В. Арнольд отмечает, что большинство усилителей относится к разговорному стилю речи [1, с. 112];

в) ингерентная экспрессивность представляет собой системно значимый элемент семантической структуры слова и не зависит от контекстного употребления. Так, одним из признаков ингерентности является вторичное по происхождению значение, что характерно для слов с переносным значением;

г) под адгерентной экспрессивностью понимают оттенок значения, который является результатом сочетания единицы с другим словом (словами) в определенном контексте;

д) контекстная экспрессивность, проявляясь в конкретном контексте, не может существовать вне его. К словам данного вида экспрессивности относятся не только окказиональные образования, но и речевые единицы, приобретающие экспрессивность в конкретном значении.

Рассматривая экспрессивные средства на лексическом уровне, мы относим к ним все виды образного употребления слов и словосочетаний. Так, повысить выразительность речи, а также усилить ее могут метафора, сравнение, эпитет и другие.

Четвертый важный критерий при анализе оценочной лексики – воздействие на адресата высказывания. На основе перлокутивного критерия (реакции адресата) выделяются следующие виды речевого воздействия:

а) собственно оценочное воздействие, в результате которого происходит изменение отношения субъекта к объекту, а также коннотативного значения объекта для субъекта;

б) эмоциональное воздействие, за счет которого формируется общий эмоциональный настрой;

в) рациональное воздействие, которое приводит к перестройке категориальной структуры индивидуального сознания и к введению в нее новых категорий.

Подводя итог, следует признать, что одним из наиболее перспективных методов анализа является выявление значения оценочной лексики, то есть

семантический анализ. В нашем исследовании он будет проводиться по следующему алгоритму:

- а) определить значение анализируемого слова (с опорой на словари);
- б) определить контекст высказывания;
- в) выявить вид экспрессивности и средства ее выражения;
- г) определить, какое воздействие оказывает оценка на адресата высказывания.

2.2 Собственно лексические средства выражения оценки

Объектом магистерской диссертации выступил сборник эссе М.М. Степановой «Против нелюбви», в который включено 15 прозаических произведений. Нами было проанализировано 521 единица оценочной лексики (см. рисунок 1).

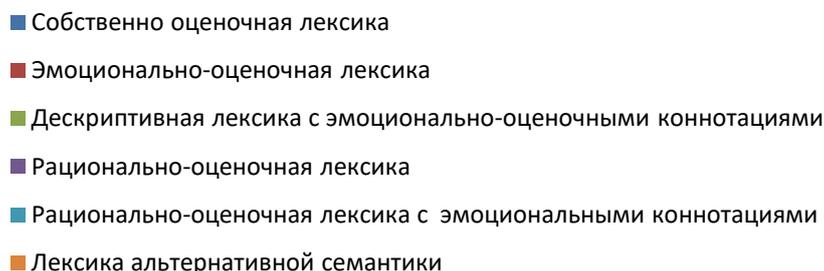

Рисунок 1 – Лексические средства выражения оценки

В сборнике М.М. Степановой преобладает рационально-оценочная лексика (202 употребления – 39%). Слова и словосочетания этой категории являются эмоционально нейтральными и обозначают явления и качества,

социально одобряемые или не одобряемые в лингвокультуре (см. приложение А). Например: «...*тьень старого мира, запятнавшего себя насилием и ложью, лежала на повседневности так густо, что и настоящее время казалось стоячим, погруженным в прошлое*» [47, с.158]. Проанализируем данный пример по заявленному ранее алгоритму.

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в следующих лексемах: *запятнавшего себя насилием и ложью*.

ЗАПЯТНАВШИЙ. Причаст. от *запятнать*

«ЗАПЯТНАТЬ 2. кого-что. Опорочить, обесчестить. 3. девичью честь. 3. чьё-л. достоинство. 3. себя ложью. 3. отцовское имя» [27, с. 341].

«НАСИЛИЕ 1. Физическое или психическое воздействие одного человека на другого. 2. Применение силы для достижения чего-либо, принудительное воздействие на кого-либо или на что-либо. 3. Злоупотребление властью; притеснение, беззаконие» [20].

«ЛОЖЬ, лжи, ж. Намеренное искажение истины, неправда, обман. *Уличить во лжи. Мысль изречённая есть л.* (афоризм). *Л. во спасение и святая л.* (оправданная необходимостью, с благой целью; книжн.). *У лжи короткие ноги* (посл.)» [35, с. 331].

Представленные слова обозначают социально не одобряемые явления, что дает нам право причислить данные лексемы к рационально-оценочной лексике.

б) эссе «Поэма без автора» посвящено Александру Блоку и его поэтическому произведению «Двенадцать». Начало XX века, событиям которого посвящена поэма Блока, известно своими революционными настроениями, а также жестокостью при смене власти. Именно поэтому М.М. Степанова употребляет оценочное выражение «*запятнавшего себя насилием и ложью*», говоря о событиях того времени.

в) экспрессивный компонент в анализируемом материале актуализируется в слове *запятнавшего*. В данном фрагменте М.М. Степанова прибегает к увеличительной экспрессивности, средством выражения которой

является эпитет. Так, использование экспрессивного компонента позволяет усилить негативную оценку.

г) поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить о рациональном воздействии на адресата речи. Однако специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки. Так, рационально-оценочная лексика тесным образом связана с жизнедеятельностью адресата и способна повлиять на его стереотипные оценочные представления.

Рационально-оценочная лексика содержится и в следующем примере: «Ключевые слова джексоновского сюжета – расовый вопрос, евгеника, пластическая хирургия, педофилия, игромания, система звезд, миф о детской невинности, миф о вечной молодости, миф о немыслимом разврате, судебная и налоговая система США, таблетки, таблоиды, космические одиссеи, биологическое отцовство и суррогатное материнство, перечень далеко не полный, мы еще к нему вернемся» [47, с.132]. Проанализируем данный пример по алгоритму.

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в следующих лексемах: *педофилия, миф о немыслимом разврате.*

«ПЕДОФИЛИЯ -и; ж. [от греч. pais (paidos) — дитя и phileō — люблю] Половое извращение, проявляющееся в удовлетворении своей чувственной страсти с ребёнком, детьми. // Половое влечение к детям» [27, с. 789].

«РАЗВРАТ, а, м. 1. Половая распущенность. Впасть в р. 2. Испорченность нравов, низкий моральный уровень поведения, отношений» [35, с. 644].

Оба слова обозначают социально не одобряемые явления, что дает нам право причислить данные лексемы к рационально-оценочной лексике.

б) эссе «The Little Black Boy» посвящено жизни и смерти Майкла Джексона. С личностью этого артиста связан один из самых громких скандалов в биографии певца – обвинение в педофилии. Раствление малолетних

является социально не одобряемым явлением, которое рассматривается как нечто аморальное, а также преследуется законом. Именно поэтому рядом со словом *педофилия* в эссе появляется выражение *миф о немыслимом развороте*.

в) экспрессивность данного фрагмента актуализируется в выражении *немыслимый разворот*. Использование М.М. Степановой эпитета *немыслимый* в сочетании с экспрессивным словом *разворот* позволяет говорить нам об увеличительной экспрессивности. В данном фрагменте этот вид усиливает негативную оценку автора, подчеркивая аморальность подобного образа жизни.

г) данный фрагмент оказывает рациональное и оценочное воздействие на адресата высказывания, которое исходит из специфики анализируемого материала.

Следующая категория, рационально-оценочная лексика с эмоциональными коннотациями, встречается в сборнике 128 раз (25%). Слова и выражения этой категории обозначают явления, которые воспринимаются как социально одобряемые или не одобряемые, а также окружаются коннотациями, выражающими авторское оценочное отношение (см. приложение Б). Например: «...плутовской роман с забавными негодьями бесшовно переходит в классическую школьную историю...» [47, с.148]. Проанализируем данный фрагмент.

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в следующем высказывании: *с забавными негодьями*.

«ЗАБАВНЫЙ -ая, -ое; -вен, -вна, -вно. Доставляющий развлечение, веселье; смешной. 3-ая картинка. 3-ое зрелище. // Занимательный, интересный. 3. случай. 3. человек» [27, с. 309].

«НЕГОДЯЙ м. разг. 1. Человек недостойного поведения; безнравственный, подлый, низкий человек; негодник. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово» [20].

Так, слово *негодяй* обозначает социально не одобряемый тип личности и выражает порицание со стороны общества. С другой стороны,

М.М. Степанова дает свою положительную оценку этому типу, которое актуализируется в слове *забавный*. Исходя из этого, мы можем отнести данное выражение к рационально-оценочной лексике с эмоциональными коннотациями.

б) эссе «Родина щегла» посвящено третьему роману американской писательницы Донны Тарт. М.М. Степанова отмечает разнородность повествования и присутствие в романе черт разных жанров. Так, автор сравнивает «Щегла» с плутовским романом, героями которого становятся плуты, жулики и авантюристы. Именно поэтому в тексте появляется выражение *забавный негодяй*.

в) экспрессивность данного фрагмента актуализируется в выражении *с забавными негодьями*. Для характеристики героев романа «Щегол» М.М. Степанова использует эпитет *забавный* в сочетании с разговорным словом *негодяй*, которое отмечается в словаре как бранное. В данном фрагменте автор использует адгерентную экспрессивность, поскольку, несмотря на негативный смысл значения слова *негодяй*, в контексте выражение приобретает положительную окраску.

г) поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить о рациональном воздействии на адресата речи. Присутствие эмоциональных коннотаций обеспечивает эмоциональную реакцию, а специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки.

Рационально-оценочная лексика с эмоциональными коннотациями содержится и в следующем примере: «*Когда позаимствовать нечего, хватаются за что попало, но получается что-то вроде детской дразнилки — укропы, ватники, колорады, слова, пустые и невесомые, как воздушные шарики*» [47, с.23]. Проанализируем данное высказывание.

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в следующих лексемах: *укропы, ватники, колорады*.

«УКРОП *неол., разг., полит. жарг., бран.* участник вооружённого конфликта на Украине 2014 года, поддерживающий сторону украинского правительства (военнослужащий национальной гвардии, вооружённых сил Украины, добровольческого батальона; любой последователь идеи унитарной Украины, западных ценностей; противник пророссийских ценностей); термин используется противниками идеи унитарной Украины (последователями идей сепаратизма или украинского федерализма)» [Викисловарь].

«ВАТНИК *полит. жарг., часто ирон. или презр.* сторонник, патриот России, слепо поддерживающий государственный курс» [Викисловарь].

«КОЛОРАД *неол., разг., бран., полит. жарг.* участник вооружённого конфликта на Украине 2014 года, поддерживающий пророссийскую сторону» [Викисловарь].

Так, все три слова относятся к политическому жаргону, отмечены в словаре как бранные или презрительные, а также передают негативное отношение.

б) в эссе «Позавчера сегодня» М.М. Степанова размышляет о событиях начала XX века и проводит параллель с веком XXI. Лексемы *укроп*, *ватник* и *колорад* обозначают явления, социально не одобряемые обществом. А контекст позволяет нам понять, что в данном случае эти слова выражают ироничное отношение автора.

в) экспрессивный компонент в данном фрагменте актуализируется в словах *укропы*, *ватники*, *колорады*. Так, слова *укроп* и *колорад* в словарях имеют пометы бранное, разговорное, жаргонное, а также отмечены как неологизмы. Слово *ватник*, относясь к жаргонному слову, часто передает ироничное или презрительное отношение. Данные слова можно отнести к ингерентной экспрессивности. Все лексические единицы имеют вторичное по происхождению значение, которое закрепилось в политической среде.

г) данный фрагмент оказывает рациональное, эмоциональное и оценочное воздействие на адресата высказывания, которое исходит из специфики анализируемого материала.

Собственно оценочная лексика встречается в сборнике 67 раз (13%). В эту категорию входят эмоционально нейтральные слова, у которых оценка исчерпывается лексическим значением (см. приложение В). Например: «*Ее [строчку], лучшую в поэме, мимоходом придумала Бу, Любовь Дмитриевна, предварительно забраковав то, что было у самого автора: пасмурное-некрасовское «юбкой улицу мела»* [47, с.165]. Проанализируем фрагмент.

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в следующих лексемах: *лучшую в поэме, забраковав*.

«ЛУЧШИЙ, -ая, -ее. *сравнит. и превосх. ст.* 1. сравнит. ст. к Хороший (противоп.: худший). *Ожидать лучшей погоды. Л-ие дни ещё впереди. Л-ая работа, чем была раньше, ждала его. Л. мир* (загробный, потусторонний, внеземной). *Уйти в л. мир* (умереть). *В лучшем случае* (при более благоприятных обстоятельствах). 2. *превосх. ст.* к Хороший; самый хороший. *Конкурс на лучшего пианиста. Л. стрелок. Л. день в его жизни. Самая л-ая бегунья в мире. Л. из лучших* (самый хороший). *В лучшем виде* (наилучшим образом)» [27, с. 508].

ЗАБРАКОВАВ. Дееприч. от *забраковывать*

«ЗАБРАКОВЫВАТЬ *несов. перех.* Признавать кого-либо или что-либо негодным, не соответствующим каким-либо требованиям» [20].

Так, оценка в высказывании *лучшую в поэме* исчерпывается лексическим значением. А для выявления оценочного значения слова *забраковав* необходимо обратиться к контексту.

б) эссе «Поэма без автора» посвящено Александру Блоку и его поэтическому произведению «Двенадцать». Так, М.М. Степанова дает свою положительную оценку строчке «*Гетры серые носила, / Шоколад Миньон жрала*». В данном примере также оценку выражает и деепричастие *забраковав*. О.Д. Паршина и Е.П. Иванян предлагают учитывать контекстуальный параметр при определении оценки [37, с. 127; 38]. В представленном контексте деепричастие употребляется в переносном значении, выражающем отрицательную оценку.

в) экспрессивный компонент данного высказывания представлен превосходной степенью прилагательного *лучшую*, а также деепричастием *забраковав*, которое представляет собой экспрессивную форму выражения «*признав негодным*». Так, М.М. Степанова прибегает к увеличительной экспрессивности, подчеркивая выбранными средствами значимость строчки поэмы «Двенадцать», и тем самым усиливает положительную оценку.

г) данное высказывание оказывает оценочное воздействие на адресата речи, которое исходит из специфики анализируемого материала. Также стоит отметить, что положительная оценка выбранной строчки из поэмы «Двенадцать» в сочетании с отрицательной оценкой других вариантов обеспечивает эмоциональную реакцию аудитории. Исходя из этого, мы можем говорить и об эмоциональном воздействии.

Собственно оценочная лексика содержится и в следующем примере: «*Мир, с самого начала видевшийся Шапориной как фантастический («страна морлоков», вспоминает она роман Уэллса), как бы лишний раз подтвердил свою злокачественность, оправдал худшие ее ожидания*» [47, с.31]. Проанализируем высказывание.

а) оценочное значение данного фрагмента актуализируется в следующем высказывании: *худшие ее ожидания*.

«**ХУДШИЙ** I м. разг. Тот, кто хуже всех; самый плохой. II прил. Самый плохой» [20].

Оценка в высказывании *худшие ее ожидания* исчерпывается лексическим значением.

б) в эссе «Разговоры в царстве мертвых» М.М. Степанова анализирует дневниковые записи Любови Шапориной. Так, для художницы блокада стала символом злокачественности мира, в котором она жила. Именно поэтому М.М. Степанова использует высказывание *худшие ее ожидания*, выражая свою отрицательную оценку событиям 40-х годов XX века.

в) экспрессивный компонент во фрагменте актуализируется в превосходной степени прилагательного *худшие*. В данном высказывании

автор прибегает к увеличительной экспрессивности, За счет применения превосходной степени М.М. Степанова усиливает отрицательную оценку событий 40-х годов XX века.

г) высказывание оказывает оценочное воздействие на адресата речи, исходящее из специфики анализируемого материала. Также подобная оценка может вызвать сочувствие у читателей, что говорит об эмоциональном воздействии.

Эмоционально-оценочная лексика встречается в сборнике также 67 раз (13%). Слова этого разряда имеют оценочную семантику и сопровождаются эмоциональными коннотациями (см. приложение Г). Рассмотрим пример: «*Выбранный способ противостояния небытию придает его книгам особый, ни на что не похожий статус — размещает их на ничейной земле, между великой литературой*» [47, с.249].

а) оценочное значение данного фрагмента актуализируется в следующем высказывании: *великой литературой*.

«ВЕЛИКИЙ, ая, ое; велик, велика и велика, велико и велико, велики и велики; величайший. 1. Превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся. *В. русский язык. Великие люди. Великая победа. Великая Отечественная война*» [35, с. 72].

Оценка в высказывании *великой литературой* исчерпывается лексическим значением, а также сопровождается положительными эмоциональными коннотациями.

б) эссе «С той стороны» посвящено творчеству В.Г. Зебальда. М.М. Степанова отмечает, что в России этот писатель является «*подземным классиком*» [47, с.225], чье творчество до сих пор не оценено по достоинству. Однако сама М.М. Степанова причисляет прозу В.Г. Зебальда к великой литературе, что свидетельствует о высокой оценке автора.

в) в данном фрагменте автор использует увеличительную экспрессивность, которая выражается при помощи эпитета *великая*. Так, семантика слова позволяет нам говорить об усилении положительной оценки

отдельных представителей литературы, отмечая их превосходство над другими.

г) данное высказывание оказывает оценочное воздействие на адресата речи, которое исходит из специфики анализируемого материала. Также стоит отметить, что положительная оценка прозы В.Г. Зебальда может привлечь внимание аудитории к творчеству автора. Исходя из этого, мы можем говорить и об эмоциональном воздействии.

Эмоционально-оценочная лексика содержится и в следующем фрагменте: «*Поводом для набата становятся плохие новости, а чаще – предчувствия плохих новостей, еще чаще – чья-то неправота, которая разбирается с особым вниманием, как симптом, как еще одна дурная новость из длинного ряда*» [47, с.266]. Проанализируем пример.

а) оценочное значение данного фрагмента актуализируется в следующем высказывании: *дурная новость*.

«ДУРНОЙ I прил. разг. 1. Вызывающий самую отрицательную оценку; скверный, нехороший, плохой. || Неприятный для окружающих. 2. Не соответствующий требованиям общественной нравственности. || Вызывающий осуждение с точки зрения морали. 3. Предвещающий беду, несчастье. || Безрадостный, гнетущий. 4. Некрасивый, безобразный» [20].

Оценка в высказывании *дурная новость* исчерпывается лексическим значением, а также сопровождается негативными эмоциональными коннотациями.

б) в эссе «Предполагая жить» М.М. Степанова размышляет о необходимости сделать настоящее пригодным для жизни. В анализируемом фрагменте автор подчеркивает чрезмерную значимость социальных сетей, которые «*начинают отнимать едва ли больше, чем дают*» [47, с.265]. Любая, даже самая незначительная, новость разрастается до широкого, колокольного размаха. Именно поэтому М.М. Степанова, характеризуя ситуацию, прибегает к разговорному слову *дурная*, которое передает негативное отношение автора.

в) экспрессивный компонент актуализируется в выражении *дурная новость*, которое представляет собой эпитет. В словаре лексическая единица *дурной* отмечена как разговорное слово. Это позволяет нам говорить об увеличительной экспрессивности. Использование разговорного эпитета усиливает отрицательную оценку автора.

г) данное высказывание оказывает оценочное и эмоциональное воздействие на адресата речи, которое исходит из специфики анализируемого материала.

Лексика альтернативной семантики представлена в сборнике 43 раза (8%). Эта категория выражает оппозицию между двумя событиями или явлениями и может актуализироваться в словах *другой*, *против* и так далее. (см. приложение Д). Например: «У Высоцкого *другая* задача: он описывает/имперсонировывает *другую*, *оптовую* эпоху, когда *штучность* стирается перед *типовым*, а будущее вызывает законное недоверие» [47, с.182]. Проанализируем фрагмент.

а) оценочное значение данного примера актуализируется в следующих высказываниях: *другая задача, другую, оптовую эпоху*.

«ДРУГОЙ, ая, ое. 1. *прил.* Не этот, не данный. В *д. раз поговорим. На другом берегу* (на противоположном). *И тот и д.* (оба, каждый из двух). 2. *прил.* Не такой, иной. *Стал совсем другим. Думает одно, а говорит другое* (сущ.). *Это другое дело* (это меняет положение, заставляет думать иначе). 3. *прил.* Второй, следующий. *На д. день*. 4. *мест. неопр.* Некоторый, какой-нибудь иной (разг.). *Д. бы благодарил, а ты недоволен*. 5. *другой, ого, м.* Кто-то иной, не сам. *Заботиться о других*» [35, с. 181].

В высказываниях содержится оценочная лексика, выражающая оппозицию между двумя явлениями.

б) эссе «На посмертие поэта» посвящено В.С. Высоцкому. Творчество поэта воспринималось и воспринимается как нечто народное, возникающее буквально из бессознательного. Именно поэтому

М.М. Степанова прибегает к лексеме *другой*, противопоставляя эпоху из лирики В.С. Высоцкого реалиям СССР.

в) экспрессивный компонент данного высказывания актуализируется в выражении *другую, оптовую эпоху*, представляющем собой эпитет. Используя фразу *оптовая эпоха*, М.М. Степанова создает образ времени, которое в поэзии В. Высоцкого противопоставляется Советскому Союзу. Данное оценочное высказывание позволяет нам выявить следствие из выразительного средства, что дает нам право говорить об образной экспрессивности.

г) в данном высказывании М.М. Степанова воздействует на когнитивное восприятие действительности адресатом. В этом случае мы можем говорить о рациональном воздействии. Однако специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки.

Лексика альтернативной семантики присутствует и в следующем примере: *«Уезжая из России, она запирает ее за собой, оставляет за спиной, как и собственную память о прошлом — во имя новой, выпрямленной жизни»* [47, с.63]. Проанализируем высказывание.

а) оценочное значение данного фрагмента актуализируется в следующем высказывании: *во имя новой, выпрямленной жизни.*

«ВО ИМЯ *предл. с род.* Употребляется при указании на кого-либо или на что-либо как на цель действия и соответствует по значению сл.: ради кого-либо или чего-либо» [20].

«НОВЫЙ 4. Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший или предназначенный заменить его; следующий, очередной. *Н. учитель. Н-ая редакция книги. Н-ое поколение. Н. заезд отдыхающих. Придётся искать новую дачу. Это его н-ая жена. Послышался н. взрыв смеха. Н. год.* // Не такой, как прежде; иной, другой. *Начать новую жизнь. Явиться в новом качестве. Находить н. смысл. Н-ые взгляды, н-ое мировоззрение. Н. стиль* (григорианский календарь — система летосчисления, введённая в 1582 г., принятая в России после Октябрьской революции вместо так называемого

старого стиля, отстающего в настоящее время на 13 дней). *Новая экономическая политика (=НЭП)*» [27, с. 654].

Так, альтернативная семантика проявляется в самом лексическом значении высказывания *во имя новой жизни*.

б) эссе «Прожиточный максимум» посвящено М.И. Цветаевой. Из биографии поэтессы нам известно, что в 1922 Марина Цветаева вместе с дочерью уехала за границу к мужу. В эмиграции она прожила до 1939 года. Покидая Россию, поэтесса надеялась на иную, нежели на Родине, жизнь. Именно поэтому М.М. Степанова, характеризуя отъезд М.И. Цветаевой, использует высказывание *во имя новой жизни*.

в) в данном фрагменте автор прибегает к образной экспрессивности, которая создается при помощи эпитета *новой, выпрямленной жизни*. Так, М.М. Степанова положительно оценивает поступок М.И. Цветаевой, а использованный эпитет позволяет нам считать созданный автором образ.

г) данный фрагмент оказывает оценочное воздействие, исходящее из специфики анализируемого материала. Также высказывание обеспечивает эмоциональную реакцию аудитории, которая может проявляться в одобрении или осуждении поступка М.И. Цветаевой. В этом случае мы можем говорить об эмоциональном воздействии.

Следующая категория, дескриптивная лексика с эмоционально-оценочными коннотациями, представлена в сборнике 14 раз (2%). Слова данной категории не относятся ни к положительным, ни к отрицательным, а также имеют безоценочный понятийный эквивалент (см. приложение Е). Рассмотрим пример: «*Один из острых соблазнов нынешнего времени, которому почти невозможно сопротивляться — осуществить простую операцию, заменить в письме Милюкова на Милонова (или на Навального, что ближе к политическим симпатиям автора), а Союз русского народа — на наших*» [47, с.251].

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в следующей лексеме: *нашистов*.

«НАШИСТ *полит. жарг.* участник российского молодёжного общественно-политического движения «Наши» (2005–2013)» [Викисловарь].

Данная лексема не является положительной или отрицательной, а также имеет безоценочный компонент: представитель движения «Наши».

б) в эссе «Предполагая жить» М.М. Степанова проводит параллель между началом XX века и нашим временем. Так, в эпоху революционных настроений особое внимание было привлечено к П.Н. Милюкову и Союзу русского народа. В начале же XXI века на политическую арену выходят такие деятели, как В.В. Милонов, А. Навальный и другие. Именно поэтому М.М. Степанова прибегает к жаргонной лексеме *нашистов*, называя так участников движения «Наши».

в) экспрессивный компонент фрагмента актуализируется в слове *нашистов*. В словаре эта лексическая единица отмечена как жаргонное слово, относящееся к политической сфере. Его значение проявляется только в определенном контексте, что позволяет нам говорить об адгерентной экспрессивности.

г) специфика анализируемого материала указывает на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки. Однако в данном случае лексема способна повлиять на стереотипные оценочные представления адресата. В этом случае мы также можем говорить об рациональном воздействии.

Дескриптивная лексика с эмоционально-оценочными коннотациями содержится и в следующем фрагменте: «*В середине 20-х еще можно было относить себя к левым («мы являемся единственными левыми поэтами Ленинграда, причем не имеем возможности здесь печататься»)...»* [47, с.91]. Проанализируем данный пример.

а) оценочное значение данного фрагмента актуализируется в следующих высказываниях: *относить себя к левым, левыми поэтами Ленинграда.*

«ЛЕВЫЙ, ая, ое 2. Политически радикальный или более радикальный, чем другие, в *противоп.* правому. *Левые фракции парламента. Левые экстремисты. Левые радикалы. Выступления левых (сущ.)*» [35, с. 321].

Данная лексема не является положительной или отрицательной, а также имеет безоценочный компонент: приверженец иных взглядов.

б) эссе «Что там увидела Алиса» посвящено воспоминаниям советской художницы Алисы Порет. В середине 20-х годов XX века было создано Объединение Реального Искусства (ОБЭРИУ), куда вошли представители левой поэзии. Среди них числился и Даниил Хармс, с которым состояла в дружбе Алиса Порет. Именно поэтому М.М. Степанова использует выражение *относить себя к левым*, ссылаясь на цитату самого Д. Хармса.

в) экспрессивный компонент высказывания актуализируется в слове *левым*. Данная лексическая единица относится к политической сфере и является вторичной по происхождению значения. В этом случае мы можем говорить об ингерентной экспрессивности.

г) данный фрагмент оказывает оценочное воздействие, исходящее из специфики анализируемого материала. Также мы можем говорить об рациональном воздействии, поскольку описываемое высказывание способно повлиять на стереотипные оценочные представления адресата.

Таким образом, в сборнике эссе М.М. Степановой «Против нелюбви» преобладающим средством выражения оценочного значения выступает рационально-оценочная лексика. Высокая частотность употребления данной категории объясняется спецификой жанра, в котором функционирует оценочная лексика. Так, эссе, выражая подчеркнуто индивидуальную позицию автора, ориентированно на заинтересованную аудиторию. А рационально-оценочная лексика, лишенная эмоциональной окрашенности, обеспечивает когнитивное освоение представленной в тексте действительности. Качества и свойства, которые называют слова данной категории, формируют у адресатов стереотипные оценочные представления.

2.3 Комплексные средства выражения оценки

При анализе материала нами были выделены примеры, представляющие собой комплексное средство выражения оценки. В сборнике эссе М.М. Степановой «Против нелюбви» оценка может актуализироваться в метафоре. Так, Джордж Лакофф определяет метафору как ментальную операцию, способ познания, категоризации, оценки и объяснения картины мира [64, с. 202]. Проанализируем высказывания, содержащие метафорическую оценку, опираясь на разработанный нами алгоритм.

Рационально-оценочная лексика с эмоциональными коннотациями встречается в следующем примере: «*Ближе всего, кажется, к этому подошла Государственная дума, ее чавкающая коллективная машина*» [47, с.23]. Рассмотрим данное высказывание.

а) оценочное значение во фрагменте актуализируется в следующем выражении: *чавкающая коллективная машина*.

ЧАВКАЮЩИЙ. Прич. по гл. чавкать.

«**ЧАВКАТЬ** -аю, -аешь; нсв. 1. Издавать при жевании характерные причмокивающие звуки (о человеке и животном); чавкать. *Громко ч. Ч. при еде.* 2. Издавать, производить чмокающие звуки (о веществе). *Грязь чавкает под ногами. Ноги чавкают в воде. Тесто чавкает под руками пекаря.* // Идти по грязи, воде и т.п., издавая такие звуки. *Полчаса чавкали по дороге.* 3. что. Разг.-сниж. Есть, издавая такие звуки. *Ему дали яблоко, и он стал его чавкать. Собака чавкает мясо*» [27, с. 1466].

КОЛЛЕКТИВНЫЙ 1. Соотносящийся по знач. с сущ. коллектив, связанный с ним. 2. Свойственный коллективу, характерный для него. 3. Осуществляемый коллективом; общий, единый для всех» [20].

МАШИНА 2. перен. Об организации, действующей подобно механизму, налаженно и чётко. *Государственная м. Военная м.*» [35, с. 346].

Анализ лексического значения показал, что оценочный компонент содержит только слово *чавкающая*. В словаре данная лексема отмечена как

разговорное и сниженное слово, что позволяет нам говорить об отрицательной оценке.

б) в эссе «Позавчера сегодня» М.М. Степанова размышляет о событиях начала XX века и проводит параллель с веком XXI. Так, автор отмечает, что многие события, происходящие на политической арене, устарели еще в прошлом веке, однако до сих пор являются следствием тотальной стилизации. Подчеркивая заимствования событий XX века, М.М. Степанова отмечает причастность к этому Государственной думы.

в) экспрессивный компонент данного фрагмента актуализирован в выражении *чавкающая коллективная машина*, представляющем собой метафору. М.М. Степанова создает следующий образ: Государственная дума представляет собой некую машину, в работу которой включен весь коллектив. Однако ее влияние оценивается автором негативно, на что указывает сниженная лексема *чавкающая*. Так, в данном случае мы можем говорить об образной экспрессивности, поскольку можем наблюдать метафорический перенос внутри слова.

г) поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить о рациональном воздействии на адресата речи. Присутствие эмоциональных коннотаций обеспечивает эмоциональную реакцию, а специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки.

Метафорическая оценка содержится и в следующем примере: *«Шапорина пишет это в Ленинграде, в декабре 43-го, из сердцевины скверного анекдота, который кончится для нее вместе с жизнью»* [47, с.25]. В данном случае метафора представляет собой компонент эмоционально-оценочной лексики. Рассмотрим данное выражение.

а) оценочное значение во фрагменте актуализируется в следующем выражении: *из сердцевины скверного анекдота*.

«СКВЕРНЫЙ, ая, ое; рен, рна, рно, рны и рны. 1. Гадкий, недостойный. *С. человек. С. поступок.* 2. Очень плохой (в 1 знач.) (разг.). *Скверная погода. Скверное настроение. Скверно* (в знач. сказ.) *на душе*» [35, с. 721].

«АНЕКДОТ *м.* 1. Короткий рассказ о каком-либо вымышленном событии, забавном случае. || Само это событие, сам этот случай. 2. Устный короткий рассказ с неожиданным остроумным концом» [20].

«СЕРДЦЕВИНА [рц], ы, ж. 1. Средняя, рыхлая часть стебля, ствола, корня растения. 2. Внутренняя, средняя часть чего-н., *напр.* плода. *С. ореха. С. яблока. Гнилая с.* (также *перен.*: о порочной сущности кого-чего-н.). 3. *перен.* Средоточие, центр. *С. событий*» [35, с. 713].

Исходя из анализа лексического значения, мы можем отметить отрицательную оценку, которая актуализируется в слове *скверного*. Также оценка содержится и в значении слова *анекдот*, однако в этом случае она является положительной.

б) в эссе «Разговоры в царстве мертвых» М.М. Степанова анализирует дневниковые записи Любви Шапориной. Анализируемый фрагмент характеризует отрывок, который был написан художницей во время блокады Ленинграда. Именно поэтому автор использует выражение *из сердцевины скверного анекдота*, ссылаясь на цитату из дневника самой Шапориной: «*Это только анекдот или это на всю жизнь?*» [47, с.25]. А слово *скверный* передает отношение самой М.М. Степановой к событиям 40-х годов XX века.

в) экспрессивный компонент данного фрагмента актуализирован в выражении *из середины скверного анекдота*, представляющем собой метафору. М.М. Степанова создает следующий образ: Любовь Шапорина пишет свои заметки из самого центра Блокады, которая видится как гадкое вымышленное событие. Так, в данном случае мы можем говорить об образной экспрессивности, поскольку можем наблюдать метафорический перенос внутри слова.

г) данное высказывание оказывает оценочное воздействие на адресата речи, которое исходит из специфики анализируемого материала. Также стоит

отметить, что отрицательная оценка блокады Ленинграда может вызвать сострадание к судьбе Любви Шапориной и других жертв этих событий. Исходя из этого, мы можем говорить и об эмоциональном воздействии.

Оценочное значение в эссеистике М.М. Степановой может актуализироваться в сравнении. Например: *«У нас радио, слушаем все вечера, берет далеко, и я иногда как дура рукоплещу — главным образом — высказываниям здравого смысла, это — большая редкость, и замечаю, что я сама — сплошной здравый смысл»* [47, с.41]. Проанализируем данный фрагмент с помощью нашего алгоритма.

а) оценочное значение высказывания актуализируется в следующей лексеме: *как дура*.

«ДУРА -ы; ж. 1. Бранно. Глупая, тупая женщина. *Совершенная д. Круглая, набитая, беспросветная д.* (очень глупая женщина). *Плачет, как д. Стоит (сидит) д. дурой* (разг.-сниж.; о состоянии полного непонимания происходящего). *Остаться в дурах* (быть обманутой). *Не реви, д. Не на дуру напал* (не так глупа, как кажется). / О животном, машине и т.п. *собир. Публика — д., всё равно не разберётся*. 2. Разг. Помешанная; юродивая. *Деревенская д.* 3. В старину: придворная или домашняя шутиха, развлекавшая господ. *Господская д.»* [27, с. 288].

Данная лексема, отмеченная в словаре как бранное слово, передает отрицательную оценку автора.

б) эссе «Прожиточный максимум» посвящено М.И. Цветаевой. Анализируемый фрагмент представляет собой цитату из письма поэтессы к дочери. Так, прибегая к сравнению *как дура*, М.И. Цветаева отмечает свою наивность и глупость, тем самым оценивая свои поступки.

в) экспрессивный компонент данного высказывания актуализируется в выражении *как дура*, которое представляет собой сравнение. В словаре данное слово отмечается как бранное. Также этому выражению присущи признаки разговорно-сниженной лексики. Так, в этом случае мы можем говорить об образной экспрессивности.

г) поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить о рациональном воздействии на адресата речи. Присутствие эмоциональных коннотаций обеспечивает эмоциональную реакцию, а специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки.

Оценочное значение в эссеистике М.М. Степановой может актуализироваться и в бессюжных сравнениях. Например: *«Здесь как раз звучит партия раздраженного наблюдателя: получается, что Зонтаг-умница невозможна без Зонтаг-красавицы, что медиафигура работает на разогреве у автора сложных текстов о непопулярных вещах»* [47, с.119]. Проанализируем фрагмент.

а) оценочное значение высказывания актуализируется в следующих лексемах: *Зонтаг-умница, Зонтаг-красавица.*

«УМНИЦА -ы; м. и ж. Разг. 1. Умный, рассудительный, толковый человек. *Большой, большая у. Быть умницей.* 2. (также в обращении). О ком-л., вызывающем удовлетворение, восхищение и т.п. у кого-л. своей деятельностью, рассуждениями и т.п. *Умницы, вели себя хорошо. Наши умницы придумали сюрприз»* [27, с. 1387].

«КРАСАВИЦА I ж. 1. Красивая женщина. 2. перен. разг. Та, что отличается необыкновенной красотой. II ж. Употребляется как ласково-фамильярное обращение к девушке, женщине» [20].

Так, оба слова выражают социально одобряемые качества, а также передают положительную оценку личности Сюзен Зонтаг. Это позволяет нам отнести данный пример к рационально-оценочной лексике с эмоциональными коннотациями.

б) эссе «Последний герой» посвящено Сюзен Зонтаг и ее дневникам. М.М. Степанова отмечает не только умственные способности писательницы, но и ее красоту, которые невозможно представить друг без друга. Именно

поэтому автор использует слова *умница* и *красавица*, отмеченные в словарях как разговорные.

в) экспрессивный компонент фрагмента актуализируется в лексемах *Зонтаг-умница* и *Зонтаг-красавица*, которые представляют собой бессюзные сравнения. Связь этих компонентов подчеркивается выражением *невозможна без*, что усиливает экспрессивность сравнений. Так, в этом случае мы можем говорить об увеличительной экспрессивности.

г) поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить о рациональном воздействии на адресата речи. Специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки. А положительные характеристики личности Сюзен Зонтаг обеспечивают эмоциональную реакцию, что позволяет нам говорить об эмоциональном воздействии.

К средствам выражения оценочного значения можно отнести и эпитет. Например: *«Революция сделала неназванную возможность расставания реальностью, навязанной извне; придала ей каменную безнадежность, с которой невозможно было смириться»* [47, с.58]. Проанализируем фрагмент.

а) оценочное значения высказывания актуализируется в выражении: *каменную безнадежность*.

«КАМЕННЫЙ *прил.* 1. Соотносящийся по знач. с сущ. камень. 2. Свойственный камню. 3. *перен.* Твердый, непоколебимый, неподвижный, застывший. 4. *перен.* Жестокий, бесчувственный. 5. Сделанный, построенный, состоящий из камня камень 1. или кирпича. || Покрытый, усеянный камнями. 6. *перен.* Ничего не выражающий» [20].

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ *ж.* Отвлеч. сущ. по прил. *безнадежный*.

«БЕЗНАДЕЖНЫЙ -ая, -ое; -жен, -жна, -жно. 1. Не оставляющий надежды на улучшение или на благополучный исход. *Больной доставлен в безнадежном состоянии. Ваше положение безнадежно.* || Выражающий отсутствие всякой надежды; наполненный отчаянием. *Б. жест. Б-ые мысли*

(мрачные, чёрные). 2. Не предвещающий успеха, обречённый на неудачу. *Б-ое дело. Б-ая затея. Б-ая любовь (без взаимности). Дальнейшие поиски безнадежны.* 3. Очень сильный, глубокий; безысходный, беспросветный. *Б-ая грусть, тоска.* 4. Не поддающийся излечению (о больном). *Раненый безнадежен.* 5. Разг. Такой, который не сможет исправиться; неисправимый (о человеке). *Б. тупица, враль, пьяница, скептик»* [27, с. 67].

Так, слово *безнадежность* обозначает социально не одобряемое явление, что позволяет нам отнести данный пример к рационально-оценочной лексике.

б) эссе «Прожиточный максимум» посвящено М.И. Цветаевой. Из биографии поэтессы мы знаем, что ее муж, Сергей Эфрон, с 1918 года служил в рядах Добровольческой армии на юге России. Сама же М.И. Цветаева жила в Москве и 3,5 года не получала известий от супруга. Именно поэтому, описывая расставание Цветаевой и Эфрона, М.М. Степанова использует оценочное выражение *каменная безнадежность*.

в) экспрессивный компонент фрагмента актуализируется в выражении *каменную безнадежность*, представляющем собой эпитет. Слово *безнадежность* обозначает такое состояние, в котором отсутствует надежда на благополучный исход событий. А эпитет *каменный* в данном контексте усиливает это значение, подчеркивая его монументальность. Так, в данном фрагменте автор прибегает к увеличительной экспрессивности.

г) данное высказывание оказывает оценочное воздействие на адресата речи, которое исходит из специфики анализируемого материала. А поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить и о рациональном воздействии на адресата речи.

Эпитет как средство выражения оценки встречается и в следующем примере: «*Ее век – золотой, ее реальность не знает ни Фрейда, ни Холокоста*» [47, с.99]. Проанализируем фрагмент.

а) оценочное значение данного высказывания актуализируется в выражении *век – золотой*.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК (чего-л.) – об эпохе расцвета наук, искусств и т.п. в истории какого-л. народа» [Тихонов 2004: 446].

Анализируемое выражение представляет собой оценочный эпитет и относится к дескриптивной лексике с эмоционально-оценочными коннотациями.

б) эссе «Бронзовая бабушка» посвящен Сельме Лагерлеф и ее сборнику детских воспоминаний «Морбакк». Детство шведской писательницы пришлось на 60-е годы XX века, задолго до начала Второй мировой войны. А к середине века в Швеции началась индустриализация, что привело к быстрому темпу роста городов. Именно поэтому М.М. Степанова использует выражение *век – золотой*, характеризуя реальность, в которой жила Сельма Лагерлеф.

в) экспрессивный компонент фрагмента актуализируется в высказывании *век – золотой*, который представляет собой оценочный эпитет. Используя это выражение в тексте, автор создает следующий образ: реальность, в которой жила Сельма Лагерлеф – это период расцвета и благополучия. Так, мы можем говорить, что в данном фрагменте М.М. Степанова использует образную экспрессивность.

г) данный фрагмент оказывает оценочное воздействие, исходящее из специфики анализируемого материала. Также мы можем говорить об эмоциональном воздействии, поскольку оценочный эпитет, который использует М.М. Степанова, может вызвать положительные эмоции у адресата.

Также стоит отметить, что в сборнике эссе М.М. Степановой «Против нелюбви» оценка может актуализироваться в англицизмах. Например: «*История Алисы Порет, годами не желавшей замечать тигра в собственной лодке и написавшей об этом книжку с картинками, – один из немногих хэппи-эндів ушедшего столетия*» [47, с.94]. Проанализируем данный фрагмент.

а) оценочное значение высказывания актуализируется в следующей лексеме: *хэппи-эндов*. В данном случае мы имеем дело с прямым заимствованием, образованным от слов *happy* и *end*.

«ХЭППИ-ЭНД. Счастливый конец, счастливое завершение чего-либо (в жизни или в сюжете фильма, пьесы и т.п.)» [20].

Так, слово *хэппи-энд* во фрагменте передает положительную оценку событий в биографии Алисы Порет.

б) эссе «Что там увидела Алиса» посвящено переосмыслению воспоминаний Алисы Порет. Жизнь художницы можно описать такими словами: потеря близких, война, блокада, нищета, эвакуация, бездомность и безытность. Однако все эти препятствия не помешали Алисе Порет стать известным иллюстратором детских книг. Именно поэтому, описывая жизнь художницы, М.М. Степанова использует положительную оценку *хэппи-энд*, отмечая ее благополучный исход.

в) экспрессивный компонент данного высказывания актуализируется в слове *хэппи-эндов*. Англицизм, проявляя черты экспрессивности новизны, усиливает впечатление о жизни Алисы Порет. Это позволяет нам говорить об увеличительной экспрессивности.

г) данный фрагмент оказывает оценочное воздействие на адресата речи, которое исходит из специфики анализируемого материала. А использование англицизма *хэппи-эндов*, привлекая внимание аудитории, вызывает эмоциональный отклик. Это позволяет нам говорить об эмоциональном воздействии.

Также стоит отметить, что англицизмы могут усиливать оценку. Например: *«Все это – тоска по героям, по знакомым мертвецам, мечта о текстуальном бессмертии, о славе-glory – так берет за душу еще и потому, что относится в нашем сознании к безнадежно и недавно утраченному времени, к старому миру за границей прекрасной эпохи»* [47, с.121]. Проанализируем фрагмент.

а) оценочное значение высказывания актуализируется в следующем выражении: *о славе-glory*.

«СЛАВА, ы, ж. 1. Почётная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг, таланта. *Неувядаемая с. С. героям! Литературная с. Орден Славы*. 2. Слухи, молва (разг.). *Идёт с. о ком-чём-н. Добрая с. лежит, а худая по дорожке бежит* (посл.). 3. Общепринятое мнение, репутация. *Хорошая, дурная с. Он пользуется славой выдающегося оратора*» [35, с. 727].

«GLORY 1. Слава 2. Великолепие» [Мюллер 2015: 159].

Так, слово *слава* и англицизм *glory* представляют собой эмоционально нейтральные лексемы и обозначают социально одобряемое явление. Это позволяет отнести нам данные слова к рационально-оценочной лексике.

б) эссе «Последний герой» посвящено Сьюзен Зонтаг и ее дневникам. Так, в своих записях писательница отмечала, что хотела бы быть одной из «великих людей», которых Зонтаг называла бессмертными мертвецами. Именно поэтому, опираясь на дневниковые заметки. М.М. Степанова использует рационально-оценочное выражение *слава-glory*, которое в данном случае передает положительную оценку автора.

в) экспрессивный компонент актуализируется в выражении *мечта о текстуальном бессмертии, о славе-glory*, которое представляет собой метафору. Так, М.М. Степанова создает следующий образ: Сьюзен Зонтаг мечтает о том, чтобы ее тексты получили славу, которая останется даже после ее смерти. В этом случае мы можем говорить об образной экспрессивности.

г) поскольку данная категория оценки основывается на когнитивном восприятии действительности, мы можем говорить о рациональном воздействии на адресата речи. А специфика анализируемого материала указывает также на оценочное воздействие, которое присуще всем категориям оценки.

Следует отметить, что в сборнике «Против нелюбви» средством выражения оценочного значения могут выступать также метафоры, эпитеты,

сравнения и англицизмы. Использование изобразительно-выразительных средств языка в эссеистике позволяет усилить оценку того или иного события и явления. А образность, которая достигается при помощи экспрессивных средств, оказывает большее воздействие на адресата текстов.

Выводы по второй главе

При анализе языкового материала особый интерес представляет оценочная, или регулятивная функция, поскольку в структуре значения единиц каждого языка можно обнаружить оценочный компонент.

В связи с развитием лингвокриминалистики в последнее время возникает вопрос о статусе оценочного высказывания и о возможностях его лингвистического анализа. Наиболее перспективным методом является семантический анализ, который осуществляется с целью выявления выраженных смыслов и характера воздействия на адресата.

Для анализа оценочных слов и выражений нами был разработан алгоритм. Анализ 521 единицы оценочной лексики показал, что преобладающей категорией является рационально-оценочная лексика. Это обусловлено спецификой жанра, в котором функционируют оценочные слова и выражения. Так, эссе, отражая подчеркнуто индивидуальную позицию автора, ориентированно на заинтересованную аудиторию. А рационально-оценочная лексика, лишенная эмоциональной окрашенности, обеспечивает когнитивное освоение представленной в тексте действительности

При анализе материала нами были выделены примеры, представляющие собой комплексное средство выражения оценки. Так, в публицистическом тексте М.М. Степановой оценка может быть актуализирована в метафорах, сравнениях, эпитетах и англицизмах. Использование изобразительно-выразительных средств языка в эссеистике позволяет усилить оценку того или иного события и явления. А образность, которая достигается при помощи экспрессивных средств, оказывает большее воздействие на адресата текстов.

Заключение

Итогом данного научного исследования можно считать достигнутую, посредством решения поставленных задач, цель. По мере ее достижения были получены следующие результаты:

Рассмотрены теоретические аспекты изучения категории субъективной модальности в публицистическом тексте. Проведенный анализ литературы предоставил нам возможность выработать способы систематизации модальных значений и сосредоточиться на наиболее полезных для данной научной работы материалах.

Была рассмотрена связь субъективной модальности и оценки и заявлена идея о том, что оценка составляет смысловую основу субъективной модальности. Кроме того, были проанализированы структурные компоненты оценки, а также различные классификации оценочных слов и выражений.

Показана связь категории оценки с такими категориями языка, как эмоциональность и экспрессивность. Оценка и эмоциональность, входя в языковое высказывание, обогащают и дополняют его информативный объем. Экспрессивность же усиливает заложенный смысл, не меняя его.

Разработан и применен алгоритм анализа оценочных слов и выражений, в основу которого лег семантический анализ. При выполнении анализа оценочной лексики необходимо учитывать ряд принципов, применение которых в опоре на конкретные лингвистические маркеры позволяет обеспечить достаточную лингвистическую объективность при анализе языкового материала. Так, в диссертационном исследовании анализ оценочной лексики будет проводиться по следующему алгоритму:

- а) определить значение анализируемого слова (с опорой на словари);
- б) определить контекст высказывания;
- в) выявить вид экспрессивности и средства ее выражения;
- г) определить, какое воздействие оказывает оценка на адресата высказывания.

Выполнение анализа оценочных слов и выражений по предложенному алгоритму позволит более разносторонне рассмотреть лексику данной языковой категории.

В настоящей магистерской диссертации представлен анализ лексико-семантических средств выражения оценки. В качестве основы исследования была взята семантическая классификация оценочных слов и выражений В.Н. Суздальцевой. В результате наблюдения над языком публицистических текстов М. Степановой мы обнаружили 521 единицу оценочной лексики. В сборнике эссе «Против нелюбви» эти средства выражают авторскую оценку тем или иным событиям и явлениями, а также оказывают воздействие на адресата текстов.

В публицистическом тексте М. Степановой преобладает рационально-оценочная лексика: *«рожок, который военную славою заплакал»*, *«простодушный и неискоренимый антисемитизм»*, *«страстный патриотизм»*, *«жест поэтической солидарности»*, *«отсутствие родителей, их равнодушие, предательство, смерть»*. Это обосновывается спецификой жанра, в котором функционирует оценочная лексика. Так, эссе, выражая подчеркнуто индивидуальную позицию автора, направлено на воздействие на адресата текстов. Для достижения этой цели М. Степанова использует рационально-оценочную лексику, которая способна сформировать у реципиентов стереотипные оценочные представления.

При анализе материала нами были выделены примеры, представляющие собой комплексное средство выражения оценки. В сборнике эссе «Против нелюбви» оценочное значение может актуализироваться в метафорах: *«нафос интеллектуальной алчности»*, *«обитатели интеллектуальной Валгаллы»*, *«святость исходной системы координат»*. Еще одним средством выражения оценки могут быть эпитеты: *«И Техас, который у нее состоит в основном из остервенелого неба»*, *«армия широкосердечных стариков»*. Также оценочное значения находят свое отражение в сравнениях: *«Зонтаг-амазонка»*, *«чудо-ребенок Аля»*, *«лирическая машина, на-гора»* и англицизмах *«один из немногих*

хэпти-эндов», «мечта о текстуальном бессмертии, о славе-glory». Использование выразительных средств языка в публицистическом тексте позволяет усилить оценку описываемых автором событий, явлений или личностей. А образность, которая достигается при помощи экспрессивных средств, увеличивает воздействие на адресата текстов.

Полученные данные были оценены и проклассифицированы с точки зрения лингвистического исследования, в котором отобранная оценочная лексика может быть использована. Также нами был разработан алгоритм анализа оценочной лексики, который включает в себя рассмотрение лексического значения, контекста, экспрессивной окраски и воздействия на адресата текстов. Следовательно, полученный результат имеет конкретное прикладное значение не только для филолога, но и для лингвокриминалиста, который сможет применить разработанный алгоритм в исследованиях.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта, 2016. 384 с.
2. Арнольд И.В. Экспрессивные средства английского языка // Сборник науч. работ / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; ред. И. В. Арнольд. Ленинград: ЛГПИ, 1975. 136, [1] с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Балли Ш. Французская стилистика = Traite de stylistique francaise / под ред. Е.Г. Эткинда; пер. с фр. К.А. Долинина. Изд. 3. М.: URSS, 2009. 392с.
7. Балыхина Т.М., Лысякова М.В., Рыбаков М.А. Русский язык и культура речи. М.: Дрофа, 2011. 479, [1] с.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
9. Блинкова Л.М. Способы передачи модальности при переводе текстов // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. Минск: БГУ, 2020. С. 361-365.
10. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
11. Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 647с.
12. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 06.05.21)

13. Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
14. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
15. Володина М.Н. СМИ как форма «общественного диалога» // Язык современной публикации: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2007. С. 31-43.
16. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. 261 с.
17. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. М., 1958. 304 с.
18. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического анализа. М., 2008. 144 с.
19. Гридин В.Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / подгот. Г.В. Якушева [и др.] ; гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. С. 591.
20. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 04.05.2021).
21. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филол. науки. 1962. №4. С. 65-79.
22. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике: Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2007. С. 58-66.
23. Кожбахтеев В. Аналитическая журналистика в России. 2002. №27. С.34-56.
24. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
25. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П.

Котюрова, А. П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. Москва: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

26. Кудрявцева И.Г. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имён существительных: дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 255 с.

27. Кузнецов Г.В. Телевизионная журналистика. М.: Высшая школа, 2002. 304 с.

28. Кукса И.Ю. Субъективная модальность газетного текста XVIII века / Калининград: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-modalnost-gazetnogo-teksta-xviii-veka> (дата обращения: 23.03.2021).

29. Лазутина Г.В., С.С. Распопова Жанры журналистского творчества. Москва: Аспект Пресс, 2012. 320 с.

30. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык: Лингвистич. сб. Моск. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. М., 1976. Вып. 6. 97 с.

31. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 230 с.

32. Ляпун С.В. Смена приоритетов в жанровой системе периодической печати постсоветского периода // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2011. Вып. 3. С. 100-107.

33. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия РАН, Серия лит. и языка. №4. т.56. 1997. С. 52–59

34. Мюллер В.К. Англо-русский, Русско-английский словарь: 65 тысяч слов с транскрипцией. Переработанное издание. М.: ООО «Стандарт», 2015. 704 с.

35. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А Темп», 2006. 944 с.

36. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопр. языкознания. 1977. №4. С. 37-48.
37. Паршина О.Д., Иванян Е.П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. 2020. № 8. С. 123-140.
38. Паршина О.Д. Рекурсивная репрезентация семантики столицы в русской языковой картине мира // Языковое сознание. Речевая коммуникация: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина / Отв. ред. О. Ю. Крючкова. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. 581 с. С. 98-101.
39. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. Москва: Наука, 1984. 222 с.
40. Прохоров Е.П. Публицист и действительность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 317 с.
41. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
42. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 710 с.
43. Рыжкина О.А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале анализа пьес А.Н. Островского и А.П. Чехова). Тамбов: Тамбовский гос-ый ун-тет им. , Державина, 2009. 190 с.
44. Славянская Н.В. Реализация функции воздействия в тексте эссе: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб, 2009. 176 с.
45. Солганик Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект. Москва: Высш. школа, 1981. 112 с.
46. Солганик Г.Я. О субъективно-модальном значении синтаксических конструкций (на материале предложений, строящихся по схеме $N_1 - V_1$) // Stylistyka VI. Opole, 1997. S. 315-330.
47. Степанова М. Против нелюбви. М.: АСТ, 2019. 288 с.

48. Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 304 с.
49. Стернин И.А., Просовецкий Д.Ю. Эмоция и оценка в семантике слова / Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018, №4. С. 75-96. URL: http://tverlingua.ru/archive/054/3_54.pdf (дата обращения: 14.05.2021).
50. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. М.: Мысль, 1982. 176 с.
51. Суздальцева В.Н. Оценочная лексика в политическом дискурсе: семантико-стилистические разряды, воздействующий результат // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II / Под ред. Н.Н. Василькова, Е.С. Кара-Мурза, В.В. Славкин, Т.И. Сурикова. Факультет журналистики МГУ Москва, 2014. С. 324-326.
52. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
53. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике // Филологические науки. 1980. 145 с.
54. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1996. №6. С. 63-71.
55. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие праткики и коды (1995-2000) / Науч. ред. Л.М. Майданова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
56. Чернейко А.О. Порождение и восприятие межличностных отношений оценок // Филологические науки. 1996. №6. С. 42-54.
57. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 415 с.
58. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. 378 с.

59. Шестакова Д.П. Понятие модальности как лингвистического явления / Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. LV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 7(55). URL: <https://sibac.info/studconf/hum/lv/80993> (дата обращения: 23.03.2021).

60. Щелкунова Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 194 с.

61. Dictionnaire universel des litteratures sous la direction de B.Didier. – Paris: Presses universitaires de France, 1994. 4393 p.

62. Hare, R.M. Imperative sentences // Mind. 1949. Vol. 58. №229. pp. 21-39

63. Lakoff, G. Metaphors we live by / George Lakoff, Mark Johnsen. London: The university of Chicago, 2003. 192 p.

64. Lakoff, G. The contemporary Theory of Metaphor in: Ortony, A. Metaphor and Thought. // Second Edition: Cambridge University Press, 1993. pp. 202-252

65. Lyons, J. Semantics. L.: Cambridge Univ. Press, 1978. Vol. I-II. 897 p

Приложение А

Оценочная лексика, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

Таблица А.1 – Рационально-оценочная лексика, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

№	Примеры
Эссе «Позавчера сегодня»	
1.	« <i>Не приятные черно-белые люди</i> запустили маховик современности» [47, с.11]
2.	«Накануне новой войны подводящие <i>итог оптовым смертям</i> первой» [47, с.12]
3.	«Рожок, который <i>военною славой</i> заплакал» [47, с.13]
4.	«Эти <i>стихи</i> вроде как принято воспринимать как « <i>антивоенные</i> » [47, с.13]
5.	«Русская <i>патриотическая лирика</i> » [47, с.14]
6.	«Выводят на сцену <i>обязательную мораль</i> » [47, с.15]
7.	«Реквием никак не соглашается обернуться <i>стихами о войне до победного конца</i> » [47, с.15]
8.	«Оно для него, да и для нас, стало паролем, знаком <i>тайной свободы</i> » [47, с.17]
9.	«Пушкин – это <i>свобода, тайная и явная</i> » [47, с.17]
10.	«Последние 75 лет война была для мира <i>безусловным, недвусмысленным злом</i> » [47, с.18]
11.	«Лихорадочная обращенность к прошлому, одержимость совершившимся до нас, может быть знаком <i>уклонения от будущего, неверия в него</i> » [47, с.19]
12.	« <i>Гибель русской интеллигенции</i> » [47, с.24]
13.	«Каждое активное движение <...> ведет лишь к тому, чтобы <i>причинить боль соседу</i> » [47, с.24]
Эссе «Разговоры в царстве мертвых»	
1.	« <i>Отказ от всяческих надежд</i> » [47, с.25]
2.	« <i>Десятилетия самопожертвования</i> » [47, с.26]
3.	«Раз навсегда обойденная тем, что в советском речевом обиходе называлось <i>счастьем в личной жизни</i> , она продолжала совершать <i>подвиги во славу верности</i> » [47, с.26]
4.	«Все прочее <...> откладывалось в сторону <i>во славу потребности помогать</i> » [47, с.27]
5.	«Все <i>черты порчи, опроценения и душевного окаменения</i> » [47, с.27]
6.	«По любви к <i>жизни на широкую ногу</i> » [47, с.27]
7.	«Все равно <i>везде тюрьма и везде голод</i> » [47, с.28]
8.	«Страхи, которые ее преследуют, другие: <i>нищета и голодная смерть</i> » [47, с.30]
9.	«Советская Россия здесь описывается как новая нестрана: <i>дикое поле, живущее вне смысла и закона</i> » [47, с.30]
10.	« <i>Известия о высылках, расстрелах и голодных смертях</i> идут густым и слепым валом» [47, с.34]
11.	« <i>Простодушный и неискоренимый антисемитизм</i> – такая же черта ее душевного облика, как <i>страстный патриотизм</i> » [47, с.35]
12.	« <i>Народ подлый, а не правительство</i> » [47, с.35]
13.	« <i>Опыт мучительный, бесполезный и своей бесплодностью развращающий</i> » [47, с.37]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

№	Примеры
	Эссе «Прожиточный максимум»
1.	«Жест поэтической солидарности» [47, с.42]
2.	«Приоритет дюжины разнородных небесных правд перед лицом линейной правды земной» [47, с.42]
3.	«В конце концов, что такое здравый смысл, о котором идет речь» [47, с.43]
4.	«Ни здоровье этой здравости, ни острие этого смысла, видимо, не должны совпадать с расхожей мудростью» [47, с.43]
5.	«То есть показательными <...>, и не только для XX века с его оптовыми смертями» [47, с.44]
6.	«Но в посмертной судьбе Цветаевой самоубийство далеко обгоняет стихи, а то и вытесняет» [47, с.44]
7.	«Ложь есть слово против разума и совести» [47, с.45]
8.	«Природное место Цветаевой, кровной добродетелью которой была противушерстность» [47, с.46]
9.	«...московской барышни из приличной семьи, «с запросами» и со стихами» [47, с.50]
10.	«Либо крайнюю авторскую наивность, либо крайнюю же степень вызова, – отказ от принятых механизмов литературного роста, неприятие или безразличие к возможной профессиональной оценке» [47, с.51]
11.	«Новый шаг, логически следующий за этим, – пренебрежение литературой» [47, с.51]
12.	«Еще один жест великолепного презрения» [47, с.51]
13.	«Брак, где оба хороши – доблестное, добровольное и обоюдное мучение (-чительство)» [47, с.52]
14.	«[Сергей Эфрон] был человеком исключительной внутренней красоты и благородства» [47, с.52]
15.	«В ряду цветаяевских романов <...> трудно не заметить подстежки деятельной жалости, материнской заботы» [47, с.52-53]
16.	«Недавнее двойное самоубийство матери и младшего брата» [47, с.53]
17.	«Настойчивая воля» [47, с.56]
18.	«С годами действие стало напоминать ведущийся в прямом эфире, при свете совести, судебный процесс» [47, с.56]
19.	«Цветаева вспоминает их мечты о совместных литературных мистификация – неосуществленные, как она говорит, только из-за ее немецкой честности, губительной гордыни» [47, с.56]
20.	«То, что на этом фоне Эфрон уходит сперва медбратом на фронт, а потом и на военную службу, можно объяснить его всегдашней страдательной жертвенностью» [47, с.58]
21.	«Революция сделала неназванную возможность расставания реальностью; придала ей каменную безнадежность» [47, с.58]
22.	«То, что оба они выжили и добрались до новой встречи, сделало их союз незыблемым: то есть в равной мере священным и роковым» [47, с.58]
23.	«... растущую нищету, <...>, предельную неустроенность быта» [47, с.59]
24.	«Выдающая немислимые объемы качественного продукта» [47, с.60]
25.	«А поскольку высшая добродетель авторства – точность, здесь это неизбежно приводит к этическому максимализму души» [47, с.60]
26.	«Повинуясь авторскому чувству меры и справедливости» [47, с.61]
27.	«В его нравственной доброкачественности она не сомневается» [47, с.62]
28.	«Я знаю, что это будет, – чудесный героический сын» [47, с.63]
29.	«Его требовательность не вызывает сочувствия, кажется бестактной или безосновательной» [47, с.65]
30.	«Знанием, истинным или ложным» [47, с.65]
31.	«Решимостью сделать несправедливость гласной» [47, с.65]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

№	Примеры
32.	«И <i>«круговую поруку добра»</i> , и <i>«презрение к платью плоти – временному»</i> [47, с.78]
33.	<i>«Одинокое самоубийство»</i> [47, с.80]
Эссе «Что там увидела Алиса»	
1.	<i>«Утрата человеческого облика, ссылка, эмиграция, тяжкий и мучительный труд»</i> [47, с.83]
2.	<i>«Словно прививка вины, неизбежная для русского интеллигента»</i> [47, с.84]
3.	<i>«Хронология не в чести»</i> [47, с.86]
4.	<i>«Глаза у Буси были добрые, коричневые, как у сеттера, преданные»</i> [47, с.87]
5.	<i>«Демонстративное равнодушие к большой истории»</i> [47, с.88]
6.	<i>«Словно автор не удостаивает вниманием войну, безденежье, бездомность»</i> [47, с.88]
7.	<i>«Аттракцион бессмысленной щедрости»</i> [47, с.89]
8.	<i>«Война, блокада, нищета, эвакуация, бездомность и безбытность»</i> [47, с.92]
9.	<i>«В них нет ни следа опущенности, погружения в общую тьму»</i> [47, с.92]
10.	<i>«Один из столпов ее самоуважения»</i> [47, с.92]
11.	<i>«Всем своим мужьям я торжественно обещала, что буду им верна»</i> [47, с.92]
12.	<i>«Это не русская храбрость»</i> [47, с.93]
13.	<i>«Ее веселый, девический цинизм»</i> [47, с.93]
14.	<i>«Этот странноватый тип бытового героизма»</i> [47, с.93]
Эссе «Бронзовая бабушка»	
1.	<i>«Образец женского мужества»</i> [47, с.99]
2.	<i>«Каждая из этих книг – победа, исключение из правил, взятая высота»</i> [47, с.100]
3.	<i>«Литературные победы Лагерлеф, ее несомненные авторство и мастерство»</i> [47, с.101]
4.	<i>«Базовый набор протестантских добродетелей»</i> [47, с.102]
5.	<i>«Между огнем и окном нет места чувству прекрасного»</i> [47, с.102]
6.	<i>«Каждая буква работает на утверждение незыблемости сущего, доброкачественности добра»</i> [47, с.102]
Эссе «Божественный голод»	
1.	<i>«Победили, впрочем, не лепешки («истинные ценности»), а каблуки («изысканный вкус»)»</i> [47, с.107]
2.	<i>«Вкуса к хорошему вкусу, главной добродетели интеллектуалов, Сильвии Плат всегда не хватало»</i> [47, с.107]
3.	<i>«Но ключевое слово здесь все-таки «наивность»</i> [47, с.108]
4.	<i>«...книги, принесшей Сильвии Плат посмертную славу и народную любовь»</i> [47, с.108]
5.	<i>«Святостью исходной системы координат»</i> [47, с.108]
6.	<i>«Физическая смерть Сильвии Плат (которая, как выразился один из первых мемуаристов, вроде как сделала ее общественным достоянием)»</i> [47, с.109]
Эссе «Последний герой»	
1.	<i>«Глаза наставлены на зрителя (вызов, отвага)»</i> [47, с.115]
2.	<i>«Герои и почитание героев»</i> [47, с.117]
3.	<i>«Но среди текстов о Беньямине, Канетти, Барте, обитателях интеллектуальной Валгаллы, не могло быть рассказа о ней самой»</i> [47, с.117]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

№	Примеры
4.	«Сьюзен, навеки верная» [47, с.117]
5.	«И все же слава Зонтаг вышла далеко за границы предсказуемого» [47, с.119]
6.	«Мечта о текстуальном бессмертии, о славе-glory» [47, с.121]
7.	«И выглядит это так, словно комикс про Спайдермена или поход за Граалем завершается победой» [47, с.123]
8.	«Самой желанной вещью в мире является верность себе – она же Честность» [47, с.124]
9.	«Ее авторский голос сохраняет эту верность себе» [47, с.124]
10.	«Интонация глубокой убежденности, естественной авторитетности (если не авторитарности) одна и та же» [47, с.124]
11.	«Братское, товарищеское уважение, которое Зонтаг питает к своему интеллекту, – и жалость, смешанная с презрением, с которой она относится к себе-смертной» [47, с.125]
12.	«Новая жизнь независимого интеллектуала –звание, которое она с гордостью носила» [47, с.125]
13.	«Первая, крепчающая слава» [47, с.125]
14.	«При крайнем литературном и личном бесстрашии она запрещала себе, кажется, только это» [47, с.129]
15.	«В известной степени это было и знаком уважения и доверия к читателю» [47, с.129]
16.	«Глухой пунктир виноватости, стыда и неудачи» [47, с.130]
Эссе «Little black boy»	
1.	«Старомодные мягкие игрушки из артистической детской (секс, наркотики, алкоголь), простые и скромные механизмы саморазрушения, здесь не сработали бы» [47, с.132]
2.	«Его история стягивает в общий узел большую часть одержимостей и маний, которыми страдал этот самый век» [47, с.132]
3.	«Ключевые слова джексоновского сюжета – расовый вопрос, евгеника, пластическая хирургия, педофилия» [47, с.132]
4.	«Быстрый успех, <...>, предательство близких» [47, с.134]
5.	«Изменилась и одна из самых старинных: мечта об успехе» [47, с.134]
6.	«До крахмального сияния подсвеченную софитами, абсолютную, божественную невинность» [47, с.134]
7.	«Его несчастная любовь к детям, вызывавшая на себя обвинения в педофилии» [47, с.140]
Эссе «Родина щегла»	
1.	«...скакать за волками, удивляя охотников своею смелостью» [47, с.143]
2.	«Русская мафия, торговля краденым, торговля поддельным антиквариатом, игорный бизнес» [47, с.144]
3.	«И властью прямого, решительного добра» [47, с.146]
4.	«Тут же киплинговский «Ким» с его школой плутовства» [47, с.148]
5.	«Ее сюжеты всегда имеют дело с неизбежностью зла, с его склонностью разверзаться под самой надежной половицей» [47, с.149]
Эссе «Поэма без автора»	
1.	«Он был совестью своих читателей» [47, с.158]
2.	«Особенно если газета была благонамеренной» [47, с.158]
3.	«Это слово сто лет назад значило для широкой общественности примерно то же, что и сейчас, – трусливую золотую середину» [47, с.158]
4.	«Тень старого мира, запятнавшего себя насилием и ложью» [47, с.158]
5.	«Неотступное чувство катастрофы», о котором говорил Блок в 1908-м, уже тогда имело победный оттенок» [47, с.159]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

№	Примеры
6.	«Кузмин, будущий автор <i>крамольных «Переселенцев» и «Плена»</i> [47, с.160]
7.	«Точек зрения слишком много: сквозь <i>революционный Петроград</i> начинает почему-то проступать блокадный Ленинград» [47, с.168]
8.	«Было бы <i>неправдой</i> , вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике» [47, с.169]
9.	«Тексты, написанные в начале 1918-го, сделали то, что казалось невозможным, – лишили его <i>доброе имени</i> » [47, с.169]
10.	« <i>Институт репутаций</i> , на отсутствие которого принято жаловаться сегодня» [47, с.169]
11.	« <i>Интеллигенцию и революцию» с ее бодрым людоедством</i> » [47, с.170]
12.	«Счет, который он предъявляет Блоку, состоит из одного пункта: <i>последовательная бесчеловечность</i> » [47, с.170]
13.	«Расхожий миф о <i>блоковском покаянии</i> был подкреплен речью «О назначении поэта» [47, с.172]
14.	«Но усталость и отчаянье, с какими Блок смотрел на <i>«рабовладельца Ленина»...</i> » [47, с.172]
15.	«...и отречением от <i>стихии вольного разрушения</i> » [47, с.172]
16.	«Критики, страстно обвинявшие поэта в <i>кощунстве, богохульстве, продажности</i> и лиризме, над гробом перекинулись <i>добрыми молодцами</i> » [47, с.172-173]
17.	«Раб Божий Александр не мог принадлежать к <i>позорной камарилье III Интернационала</i> » [47, с.173]
18.	«Блок был <i>честный человек!</i> » [47, с.173]
Эссе «На посмертие поэта»	
1.	« <i>Наркотики, война с КГБ, любовь</i> » [47, с.176]
2.	« <i>Спел всю правду</i> » [47, с.178]
3.	«Тем лучшим другом, который не дожил до <i>победы</i> » [47, с.178]
4.	«Божество это не всегда на стороне <i>прямого добра</i> » [47, с.178]
5.	« <i>Не справедливость, а точность</i> » [47, с.179]
6.	«Тот, кто говорит словами Высоцкого, кем бы он ни был, <i>человек авторитета</i> » [47, с.179]
7.	«Как никогда не кончается для Высоцкого <i>последняя война</i> » [47, с.182]
8.	«К военному опыту обращаются как к единственно реальному, воспроизводят, как <i>священный текст</i> » [47, с.182]
9.	« <i>Война</i> здесь <i>оказывается своего рода смысловым ядром</i> » [47, с.183]
10.	«Как не сомневается <i>мастер</i> в своем наборе <i>умных инструментов</i> » [47, с.185]
11.	«Но самоощущение Высоцкого предельно далеко от <i>идеи литературного профессионализма</i> » [47, с.185]
Эссе «О смерти и немного до»	
1.	«Чистое страдание, не имеющее носителя, но ведающее уже <i>добро и зло</i> » [47, с.199]
2.	«Злодей вечно злодействует, а <i>невинный мужественно терпит</i> » [47, с.199]
3.	«На безлюдьи <i>закон не препятствует беззаконию</i> » [47, с.200]
4.	«В басню вкладывается <i>так называемая мораль</i> » [47, с.202]
5.	«Где оказываешься <i>нехотя, против воли</i> » [47, с.204]
6.	« <i>Воля к отбору и отсечению</i> проявляется и здесь» [47, с.209]
7.	«Где я лишаюсь <i>прав на невинность и особость</i> » [47, с.212]
8.	« <i>Жест спасения</i> обращен на человека вообще» [47, с.212]
9.	«Здесь это <i>недвусмысленное, однозначное благо</i> » [47, с.213]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.1

№	Примеры
Эссе «С той стороны»	
1.	«Это гротескная оборотная сторона его <i>мировой, совершенно уже устоявшейся за 12 лет посмертия, славы</i> » [47, с.226]
	«Потом <i>помногу растущая слава</i> » [47, с.227]
2.	«По крайней мере это не отменяет, а возвышает <i>градус сочувствия</i> » [47, с.231]
3.	« <i>Популярность зебальдовских книг</i> » [47, с.231]
4.	«Они [иллюстрации] вообще <i>очень смиренные</i> » [47, с.233]
5.	«Автор рецензии явно <i>гордится широтой своего культурного диапазона</i> » [47, с.234]
6.	«Кafka, по Зебальду, «знал о <i>ненасытимой жадности, с которой мертвые смотрят за теми, кто еще жив</i> »» [47, с.236]
7.	«Он казался бы вызывающим, если бы во всем этом не было <i>столько кротости</i> » [47, с.237]
8.	«Сюжетный интерес заменяется <i>сочувствием; предельным, уважительным вниманием</i> ко всему, что обречено» [47, с.240-241]
9.	«Величайшая <i>дерзость</i> – беседовать с читателем о настоящем <i>в тоне абсолютной вежливости</i> » [47, с.242]
10.	«Невероятная обстоятельность речи, которая в другом освещении могла бы свидетельствовать разве что о <i>душевном благополучии</i> » [47, с.243]
11.	«Век, на который оглядывается Зебальд, – только <i>территория литературной утопии</i> » [47, с.243]
12.	«Енот стирает и все не может отмыть добела <i>невинное яблоко</i> » [47, с.244]
13.	«Написана как бы поверх языка, на <i>ангельском наречии общего равенства и единства</i> » [47, с.244]
14.	«Проза Зебальда занимается тем же самым, но в мире, <i>напрочь лишенном всякой надежды на воскрешенье</i> » [47, с.249]
15.	«В голосе, продолжающем говорить, словно <i>уважение, сочувствие, доброта</i> не утратили смысл» [47, с.250]
Эссе «Предполагая жить»	
1.	«Один из <i>острых соблазнов</i> нынешнего времени» [47, с.251]
2.	«...чтении, которое делает <i>невозможной саму надежду</i> на какую-то, пусть самую невеликую, протяженность» [47, с.252]
3.	«Всякая перспектива <i>домодельного уюта</i> схлопывается до софринской иконки» [47, с.253]
4.	« <i>Аттракцион авторской смелости</i> » [47, с.256]
5.	«Не параграфами общего ведения – а <i>эпизодами неутрачивающей войны</i> » [47, с.258]
6.	«Укрупненная жизнь поэтического поля, ставшая <i>общей удачей</i> последних десятилетий» [47, с.261]
7.	« <i>Правда</i> о которых годами вытеснялась на периферию общественного сознания» [47, с.263]
8.	«Для того, чтобы встретиться лицом к лицу с <i>жертвами информационной войны</i> , достаточно зайти в любую социальную сеть» [47, с.263]
9.	« <i>Забора о сохранении жизни</i> » [47, с.264]
10.	«Становится <i>предательством</i> » [47, с.267]
11.	«От них требуется уже не только <i>мужество</i> , но и <i>аскеза</i> » [47, с.268]
12.	«Казалось бы, это <i>заурядные мантры бытового мужества</i> » [47, с.270]
Эссе «Против нелюбви»	
1.	«Горбатый король был успешно найден под асфальтом автомобильной парковки и извлечен оттуда <i>во славу точного знания</i> » [47, с.275]
2.	« <i>Доблесть исследования</i> » [47, с.276]
3.	«Оно выглядит случайно выхваченным из небытия <i>участком сырой, непастеризованной правды</i> » [47, с.277]
4.	« <i>Живой жизнью</i> » [47, с.277]

Таблица А.2 – Рационально-оценочная лексика с эмоциональными коннотациями, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

№	Примеры
Эссе «Позавчера сегодня»	
1.	«Кадеты только что влились в <i>патриотический мейнстрим</i> » [47, с.9]
2.	«...тогда Андрей Николев или Гертруда Стайн оказывались моими современниками, актуальной, только что родившейся, <i>словесностью самого расsegодняшнего сегодня</i> » [47, с.21]
3.	«Похоже, в этот час у России действительно есть история <...>, о которой так тосковалось в <i>бессобытийные нулевые</i> » [47, с.21]
4.	«Государственная дума, <i>ее чавкающая коллективная машина</i> » [47, с.23]
5.	«Скажем, <i>фашист и либерал</i> на этом языке тот, с кем говорящий не согласен» [47, с.23]
6.	«Когда позаимствовать нечего, хватаются за что попало, но получается что-то вроде детской дразнилки – <i>укропы, ватники, колорады</i> » [47, с.23]
Эссе «Разговоры в царстве мертвых»	
1.	«...в двадцатые, а особенно – в тридцатые годы демонстративного цветения <i>советского дичка</i> » [47, с.27]
2.	«Тетради Шапориной говорят все с прямотой <i>приговоренного или безумца</i> » [47, с.29]
3.	«Ее филер» становится одним из ее <i>героев, безобразных, комических и бессильных</i> » [47, с.30]
Эссе «Прожиточный максимум»	
1.	«У нас радио, слушаем все вечера, берет далеко, и я иногда как <i>дура</i> рукоплещу – главным образом – высказываниям здравого смысла, это – большая редкость» [47, с.41]
2.	«Тарелки вымыть не могла без <i>достоевщины</i> » [47, с.45]
3.	«От сего, что поэт есть творитель не наследует, что он <i>лживец</i> » [47, с.45]
4.	«Ее естественными соседями по истории были не <i>делатели</i> , а жители» [47, с.46]
5.	«Вы – дочь, я – сын», было признаком ненавистного типического: <i>московской барышни</i> из приличной семьи, «с запросами» и со стихами» [47, с.50]
6.	«Верная же примета его (черта, да и самой Цветаевой. – М. С) <i>любимцев</i> – полная разобщенность, отродясь и отсюда – исключенность» [47, с.50]
7.	«Я сама выбрала <i>мир нечеловеков</i> , что же мне роптать?» [47, с.50]
8.	«Их, кажется, немного <...> – по крайней мере, их присутствие не производит впечатления <i>гомерического блуда</i> » [47, с.58]
9.	«Налицо <i>лирическая машина, на-гора</i> » [47, с.60]
10.	« <i>Свалка любовных сюжетов</i> » [47, с.60]
11.	« <i>Месиво человеческих жизней</i> » [47, с.60]
12.	«Никому не нужная Ирина в грязной рубашонке — <i>язвящее воспоминание о крахе материнской и женской сущности</i> » [47, с.62]
13.	« <i>Чудо-ребенок Аля</i> » [47, с.62]
14.	«Осознанно или неосознанно (второе хуже) выбрав одну из двух, <...> она оказалась <i>детоубийцей на суду</i> собственной совести» [47, с.62]
15.	«То, что в ее стихах и воспоминаниях его образ становится все более стилизованным – <i>Лебедь, Воин, святой Георгий-доброволец</i> , здесь тоже существенно» [47, с.62]
16.	«У нас будет сын, я знаю, что это будет, – чудесный героический сын, ибо <i>мы оба герои</i> » [47, с.63]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.2

№	Примеры
17.	«Представим себе <i>классического скандалиста</i> » [47, с.65]
18.	«Она — <i>солдат армии, оставшейся неизвестной</i> » [47, с.66]
19.	«Африка-лирика, «забытая» Пастернаком во имя безликого множества и <i>красавицы-представительницы</i> этого множества» [47, с.73]
20.	« <i>Я не паразит</i> , потому что я работаю и ничего другого не хочу кроме как работать» [47, с.74]
21.	« <i>Мытарства по тюремным очередям</i> » [47, с.80]
22.	«Я всегда думаю, что вы — люди или <i>нелюди</i> (как мы)» [47, с.80]
Эссе «Что там увидела Алиса»	
1.	«Так, в другой стране, изнутри другой катастрофы, в мельчайших подробностях вспоминает детство <i>обреченная героиня</i> зебальдовских «Эмигрантов» [47, с.84]
2.	«Хорошая знакомая Введенского и Олейникова, Юдиной и Соллертинского, <i>красавица Алиса</i> » [47, с.84]
3.	«Замечательные <i>чудаки и оригиналы</i> » [47, с.84]
4.	«Зато там есть про другую книжку – историю Алисы в стране чудес, которую она любила и с <i>героиней</i> которой <...>, возможно, себя соотносила» [47, с.86]
5.	«Можно было, и неплохо, зарабатывать кустарными промыслами <...> <i>несстыдной и приятной ремесленной ерундой</i> » [47, с.91]
6.	« <i>Чудаки и оригиналы (фрики и маргиналы)</i> » [47, с.92]
Эссе «Бронзовая бабушка»	
1.	«Это язык статистического большинства, <i>гурьбы и гурта</i> » [47, с.101]
2.	«Девочке Сельме и ей подобным удалось укрупнить <i>шелуху ежедневной жизни</i> до размеров рождественского дерева» [47, с.101]
3.	«Странное человеческое умение <i>согреться жутью</i> » [47, с.104]
Эссе «Божественный голод»	
1.	«Ася Вевилл, женщина, которую любовник – поэт Тед Хьюз – назвал « <i>Лилит абортюв</i> » [47, с.107]
2.	«Все на живую нитку, <i>сплошная любительщина</i> » [47, с.107]
3.	«У легенды Плат – две зеркальные версии: в одной действуют <i>красавица-поэтесса и равнодушное чудовище</i> , в другой – <i>депрессивная стерва</i> и ее терпеливый муж» [47, с.109]
4.	« <i>Хвала</i> авторам воспоминаний и дневников!» [47, с.109]
5.	«Что-то в характере ее жизни исподволь заставляет смотреть на ее историю как на <i>худло</i> » [47, с.109]
6.	«В этих стихах <...> Плат становится собой, становится чем-то воображаемым – вряд ли человеком или женщиной – но одной из <i>сверхреальных, гипнотических, великих классических героинь</i> » [47, с.110]
7.	«Грандиозный стимулирующий дом, где <i>гении</i> хлещут джин на кухне после чудесного ужина» [47, с.112]
8.	«Ей годится только полный комплект: дети, книги, <i>муж-полубог</i> » [47, с.112]
9.	«В каком-нибудь пантеоне женщине, писавшей эти дневники, было бы уготовано место Геры – <i>богини-ревнительницы, богини обыкновений и установлений</i> » [47, с.113]
Эссе «Последний герой»	
1.	«Это лицо, это тело воспринимаются одновременно как <i>герой</i> и арена, на которую он выходит» [47, с.116]
2.	« <i>Герои</i> и почитание <i>героев</i> » [47, с.117]
3.	«Зонтаг оказалась востребована в шестидесятых, да так, что стала своего рода <i>идолицем успеха</i> » [47, с.117]
4.	«Получается, что <i>Зонтаг-умница</i> невозможна без <i>Зонтаг-красавицы</i> » [47, с.119]
5.	«То, что, собственно, и отличает в нашем сознании <i>героев от богов</i> » [47, с.126]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.2

№	Примеры
6.	«Я думаю о ней как о <i>Венере, вступающей в союз с Герой</i> » [47, с.126]
7.	«Отсюда ее яростная чувствительность к <i>соблазнам фашистской эстетики</i> » [47, с.127]
8.	«Ей и самой нравилось думать о себе как о <i>диве</i> » [47, с.127]
9.	«Бродский, ее <i>родня и ровня</i> » [47, с.128]
10.	«Он, что ли, не совпадал с их представлением о <i>Зонтаг-амазонке</i> » [47, с.130]
Эссе «Little black boy»	
1.	«Приводя с собой, как <i>евангельские бесы</i> , все новых товарищей» [47, с.132] «Все <i>главные виды душевных язв и болячек</i> , встречающихся у землян нашего времени, были опробованы им на себе» [47, с.133]
2.	«Ее новая разновидность – мечта о красоте, ставшая в XX веке <i>мировой круговой порукой</i> » [47, с.134]
3.	«У Джексона, как у любого <i>идола из медийного пантеона</i> , были все шансы реализовать любые запретные мечты» [47, с.137]
4.	« <i>Острова блаженных</i> обживали многие мальчики мировой литературы» [47, с.139]
Эссе «Родина щегла»	
1.	«...и вспоминается потом на всем протяжении книги как ее полдневный час, <i>слепящий краешек ненарушимого блага</i> » [47, с.144]
2.	«Друг-враг появляется и исчезает, <i>злодеи злодействуют</i> » [47, с.147]
3.	«И Техас, который у нее состоит в основном из <i>остервенелого неба</i> и пустых домов на краю света» [47, с.147]
4.	«Плотовской роман с <i>забавными негодьями</i> бесшовно переходит в классическую школьную историю» [47, с.148]
5.	«Книги, чей побочный эффект (воспитывать и занимать, утешать и возвышать) представляется слишком утилитарным <i>для высокой словесности</i> » [47, с.148]
6.	«...о жанровой литературе, к которой я отношусь с <i>глубокой нежностью</i> » [47, с.152]
Эссе «Поэма без автора»	
1.	«m-ле Врангель тренькает на рояли (<i>б**дь буржуазная</i>)» [47, с.158]
2.	«Казалось, все что угодно будет лучше российской государственности с ее <i>дураками</i> и дорогами» [47, с.159]
3.	«И это великолепное, <i>хамское жрала</i> » [47, с.165]
4.	«У нас не получается увидеть или вообразить то, чему Блок в этих стихах медиумически предоставил свой голос, то, что вместе с ветром и морозом насмехается над старушкой, <i>буржуем...</i> » [47, с.170-171]
5.	«скользит – ах, <i>бедняжка!</i> » [47, с.170-171]
Эссе «На послесмертие поэта»	
1.	« <i>Контур легенды</i> , который подошел бы кому угодно» [47, с.176]
2.	«Эта посмертная функция, сделавшая Высоцкого чем-то вроде всеобщего родственника, <i>мужского божества</i> » [47, с.178]
3.	« <i>Обаяние блатняка</i> » [47, с.179]
4.	«Так уничтожали собственную речь во имя новой, будущей Зощенко и Бабель, <i>чрево вещатели героического времени</i> » [47, с.182]
5.	«Это странно контрастирует с <i>головокружительными рифмами Высоцкого</i> » [47, с.185]
6.	«Его <i>невероятный версификационный дар</i> » [47, с.185]
Эссе «О смерти и немного до»	
1.	«Читатель, который не воспринимает того, что нам кажется <i>сокровищами поэзии</i> » [47, с.189]
2.	«И то, и другое как бы ставит стихотворение под сомнение, вгоняет в краску, не дает ему впасть в <i>самозабвенное лирическое кукование</i> » [47, с.196]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.2

№	Примеры
3.	«И у него своя <i>светоносная белизна</i> , белизна бледности» [47, с.200]
4.	«И мертвые, <i>не имущие сраму</i> » [47, с.205]
5.	«Оборотная сторона <i>ледяного срама</i> этих стихов, его изнанка – <i>живой поядающий огонь</i> следующего стихотворения» [47, с.206]
6.	«Какой-то совершенно <i>запредельный жест волевого безучастья</i> » [47, с.208]
7.	«Но <i>опыт страдания</i> ... не в состоянии поверить в эту гипотезу» [47, с.208]
8.	«Это было настоящее откровение и <i>скандал</i> » [47, с.217]
9.	«Специальная разновидность цитирования, каким оно становится на <i>холоде разобщения</i> » [47, с.223]
Эссе «С той стороны»	
1.	«Где он говорит о себе, своем деле и своем душевном устройстве <i>с кромешной, трудновыносимой ясностью</i> и прямоотой» [47, с.225]
2.	«Положение Зебальда в России – особое: он тут <i>подземный классик</i> » [47, с.225]
3.	« <i>Контур судьбы изгнанника</i> (Манна, Канетти, Беньямина), но выбранный самолично» [47, с.226]
4.	«Что-то вроде подписи или печати, по которой следует опознавать <i>руку мастера</i> » [47, с.229]
5.	«У них отсутствуют два качества – они, как правило, <i>не цепляют</i> , что бы это ни значило» [47, с.230]
6.	«У них (за немногими исключениями) в помине нету той специального рода пыльцы, <i>соблазняющего начала</i> , делающего картинку влекущей, приближающей ее к зрителю» [47, с.230]
7.	«И его <i>бессильный стыд</i> становится чем-то вроде заменителя самой фотографии» [47, с.232]
8.	«Они [иллюстрации] вообще очень смиренные и знают <i>свой черно-белый шесток</i> » [47, с.233]
9.	«Еще он испытывает что-то вроде законной радости гражданина, поймавшего за руку <i>карманного воришку</i> » [47, с.234]
10.	«Можно сказать, что повторить сказанное Гебелем или Стендалем для Зебальда гораздо важнее, чем высказаться (<i>высунуться</i>) самому» [47, с.235]
11.	«Но Зебальд в своем <i>безграничном сострадании</i> и не нашел бы здесь разницы» [47, с.241]
12.	« <i>Абсолютная, старомодная вежливость</i> » [47, с.242]
13.	«Синтаксис XX века, его <i>фразы-вспышки и фразы-отмычки</i> , призванные схватить момент, отразить его дрожь и распад, выразить суть, имитировать время» [47, с.243]
14.	«Век, на который оглядывается Зебальд, – только территория литературной утопии, <i>маленький, остро очерченный раек</i> » [47, с.243]
15.	«Таких заповедников <i>нечеловеческой, жгущей красоты</i> много в «Аустерлице» [47, с.244]
Эссе «Предполагая жить»	
1.	«И в ней звучит непредусмотренное автором <i>злорадство</i> » [47, с.252]
2.	«Он как бы оказывается собственным дедом, <i>солдатом-освободителем</i> » [47, с.262]
3.	«С ее святцами <i>детей-мучеников и героев-самоубийц</i> » [47, с.264]
4.	«Главное, что следует из таких выяснений — жизнь другого, выбор другого <...> кажется скомпрометированной, <i>червивой</i> » [47, с.266]
5.	«Тут <i>империя зла</i> , там весь остальной мир» [47, с.268]
6.	«Хуже другое: жизнь с <i>опороченным, полуотмененным завтра</i> ставит под сомнение и любое сегодня» [47, с.269]
7.	«Эта проверка на способность сопротивляться (или поддаться) <i>соблазнам тоталитарного мышления</i> кажется сегодня старомодной» [47, с.270]
Эссе «Против нелюбви»	
1.	«И широкие плечи <i>бойца</i> » [47, с.275]
2.	«Проживешь свою, дурную скорее всего, <i>залапанную чем-нибудь стыдным ли, страшным жизнь</i> » [47, с.275]

Таблица А.3 Собственно оценочная лексика, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

№	Примеры
Эссе «Позавчера сегодня»	
1.	«Читатель <i>слишком хорошо знает</i> , что было дальше» [47, с.12]
2.	«Есть и мандельштамовский текст того же времени, <i>не самый хороший</i> » [47, с.14]
3.	«Наш он или чужой (то есть <i>хороший или плохой</i>)» [47, с.22]
4.	«Ты находишься <i>в положении не лучшим и не худшем</i> , чем все остальные сознательные люди» [47, с.24]
Эссе «Разговоры в царстве мертвых»	
1.	«Ее жизнь – образцовая, чистопородная жизнь <i>хорошего человека</i> » [47, с.26]
2.	«Мир, с самого начала видевшийся Шапориной как фантастический <...>, как бы лишний раз подтвердил свою злокачественность, оправдал <i>худшие ее ожидания</i> » [47, с.31]
3.	«Постоянная оглядка на Европу как <i>образ лучшего, неискаженного бытия</i> » [47, с.35]
4.	«И наш обиход, усредненный, урезанный, искаженный, пытается помнить об ином, <i>лучшем</i> , не нами заведенном» [47, с.38]
Эссе «Прожиточный максимум»	
1.	«Их <i>лучше рассматривать</i> с некоторой дистанции, в движении» [47, с.42]
2.	«Брак, где <i>оба хороши</i> – доблестное, добровольное и обоюдное мучение (-чительство)» [47, с.52]
3.	«Их он и пронес, как стигматы, через всю жизнь, полную обстоятельств, с красотой и благородством <i>плохо совмещающихся</i> » [47, с.52]
4.	«Тем больше, чем <i>хуже приходится человеку</i> , пускающему ее в ход» [47, с.60]
5.	«Осознанно или неосознанно (<i>второе хуже</i>) выбрав одну из двух, <...> она оказалась «детоубийцей на суду» собственной совести» [47, с.62]
6.	«Когда уже <i>хорошо писала!</i> » [47, с.64]
7.	«Ее жизнь несет печать той античной ужасности, о существовании которой мы знаем по собственным <i>худшим опасениям</i> » [47, с.67]
8.	«Естественнее предпочитать поэзию, которая помогает нам отвернуться, а <i>лучше бы</i> – забыть о существовании камеры» [47, с.67]
9.	«Его выбор-поворот к массам <...> был <i>еще худшим отказом</i> » [47, с.73]
10.	«Прошлое стало не только синонимом уединения в груди, но и <i>образцом лучшего мира</i> » [47, с.78]
11.	«Все всегда <i>плохо делают</i> » [47, с.81]
12.	«И в рифму, и <i>лучше</i> » [47, с.82]
Эссе «Что там увидела Алиса»	
1.	« <i>Хорошая знакомая</i> Введенского и Олейникова, Юдиной и Соллертинского, красавица Алиса» [47, с.84]
2.	«И мне кажется, что мое <i>положение лучше</i> , чем оно есть на самом деле» [47, с.91]
	«Можно было, и <i>неплохо</i> , зарабатывать кустарными промыслами» [47, с.91]
Эссе «Бронзовая бабушка»	
1.	«Базовый набор протестантских добродетелей – <i>не худший выбор</i> » [47, с.102]
2.	«Книги Лагерлеф, те, другие, и про него тоже: разного рода необъяснимое случается в них даже <i>с очень хорошими людьми</i> » [47, с.102]
Эссе «Божественный голод»	
1.	« <i>Вкуса к хорошему вкусу</i> , главной добродетели интеллектуалов, Сильвии Плат всегда не хватало» [47, с.107]
2.	«Кончилось это все <i>плохо, хуже некуда</i> » [47, с.107]
3.	« <i>Хорошая девочка, плохая девочка</i> » [47, с.113]
4.	«Сильвия Плат становится собой»: языком голода, языком огня, которому все равно, какую поверхность облизывать, чистым веществом лирики, не различающей « <i>хороших</i> » строк от « <i>плохих</i> » [47, с.113]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.3

№	Примеры
	Эссе «Последний герой»
1.	« <i>Лучшие из них</i> , словно стесняясь быть выдумкой, строятся на реальных историях» [47, с.129]
	Эссе «Little black boy»
1.	«Обещанный грандиозный концертный марафон <...> еще дразнил воображение, но на <i>какой-то нехороший лад</i> » [47, с.131]
	Эссе «Родина щегла»
1.	«Там, где <i>все хорошо</i> , война не объявлена, мать жива, семья не разорилась, то, что составляет суть книги, еще не начало происходить» [47, с.143]
2.	«Там <i>лучше всего</i> , все заряжено будущим волшебством» [47, с.144]
3.	«Этот <i>способ чтения не хуже любого другого</i> » [47, с.146]
4.	«Думаю в скобках, видно ли это в переводе Анастасии Завозовой – который <i>очень хорош</i> » [47, с.147]
5.	«Тартт написала книгу, которая имеет в виду другой, двоюродный образец: английскую прозу, что на поверку оборачивается <i>лучшим достижением</i> цивилизации» [47, с.147]
6.	«И автор отсылает читателя не к Диккенсу со Стивенсоном, а к полке, на которой они стоят, к романам с чудесами, страшными приключениями и <i>непрерывным хорошим концом</i> » [47, с.148]
7.	«Я-то глубоко уверена, что все <i>лучшие книги</i> этого мира рано или поздно (и скорей рано, чем поздно) осядут в детской» [47, с.148]
8.	«Но как <i>хорошо</i> он отзывается здесь» [47, с.151]
9.	«Случай Тартт обратный, она <i>слишком хорошо знает</i> , что делает» [47, с.152]
	Эссе «Поэма без автора»
1.	«Ее [строчку], <i>лучшую в поэме</i> , мимоходом придумала Бу, Любовь Дмитриевна, предварительно забрав то, что было у самого автора» [47, с.165]
2.	«Толстоморденькая Бу (толстушка, как говорила о ней та же Гиппиус) знала его <i>лучше Блока</i> » [47, с.166]
	Эссе «На послесмертие поэта»
1.	«В этой невольной исключительности есть, как подумаешь, нечто утешительное — возвращающее жизни ее натуральный объем и нелинейность, отменяющее <i>прямое деление на хорошо/плохо</i> » [47, с.177]
2.	«Тем <i>лучшим другом</i> , который не дожил до победы» [47, с.178]
	Эссе «О смерти и немного до»
1.	« <i>Плохо</i> то что эти ноты здесь должен сперва придумать я сам, откуда-то взять» [47, с.197]
2.	«Второй и третий ее тексты странные, как <i>все лучшие стихи Г.Д.</i> » [47, с.201]
3.	«Если бы система была верной, то я в ней сделал <i>много хорошего</i> » [47, с.201]
	«Орлы», как он не мог не понимать, <i>один из лучших текстов</i> , им написанных» [47, с.210]
4.	«И, как понимаем мы, <i>один из лучших текстов</i> , написанных по-русски» [47, с.210]
5.	«То есть стих<отворен>ие из <i>лучших слов в лучшем порядке</i> » превращается в «естественные фразы в неестественном порядке» [47, с.219]
6.	«Я <i>слишком хорошо понимаю</i> , что его про меня относится к любому я» [47, с.219]
	Эссе «С той стороны»
1.	«Каждую хвосточку!» – как говорила про свое посмертное наследие Цветаева, <i>хорошо зная</i> , как это бывает» [47, с.225]
2.	« <i>Хуже того</i> , любое участие было бы преступлением» [47, с.240]
	Эссе «Предполагая жить»

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.3

№	Примеры
1.	« <i>Лучшие не предполагать, не привыкать, не расслаживаться</i> » [47, с.253]
2.	« <i>В хорошем английском романе кто-то звонит старикам по телефону</i> » [47, с.253]
	« <i>Дорогой мой, я ни о чем другом так хорошо не помню!</i> » [47, с.253]
3.	« <i>Но, кажется, на территории нынешней России человек слишком хорошо подготовлен к смерти (и гораздо хуже – к тому, чтобы пожить еще сколько-нибудь без ощущения, что переход с этого света на тот уже начался)</i> » [47, с.253]
4.	« <i>Эту подсветку, ни с чем не сравнимый ход чьего-то внешнего замысла я слишком хорошо знаю по реальности рукотворной</i> » [47, с.254]
5.	« <i>Поводом для набата становятся плохие новости, а чаще – предчувствия плохих новостей</i> » [47, с.265-266]
6.	« <i>Устранение «завтра» <...>, отказ от перспективы <...> – как ни странно, не худшие из последствий этой конструкции</i> » [47, с.269]
7.	« <i>Хуже другое: жизнь с опороченным, полуотмененным завтра ставит под сомнение и любое сегодня</i> » [47, с.269]
Эссе «Против нелюбви»	
1.	« <i>Хороший поэт, но мелкий человек</i> » [47, с.278]
2.	« <i>Получается, что убедительной ту или иную версию делает хорошо дозированное присутствие грязи</i> » [47, с.278]
3.	« <i>Была плохая мать, была слишком хорошая мать</i> » [47, с.280]
4.	« <i>С такою интонацией говорят о родне, когда говорят о ней плохо</i> » [47, с.280]
5.	« <i>Наименьшим авторитетом при разговоре о мертвом, как правило, обладают те, кто лучше всего его знал</i> » [47, с.283]
6.	« <i>Джанет Малколм в очень хорошей книжке о Сильвии Плат удивляется неудаче одной из ее биографий</i> » [47, с.283]

Таблица А.4 – Эмоционально-оценочная лексика, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

Эссе «Разговоры в царстве мертвых»	
1.	« <i>Шапорина пишет это в Ленинграде, в декабре 43-го, из сердцевины скверного анекдота, который кончится для нее вместе с жизнью</i> » [47, с.25]
2.	« <i>Советская Россия здесь описывается как новая нестрана: место, далекое от ладной и ясной заграницы</i> » [47, с.31]
Эссе «Прожиточный максимум»	
1.	« <i>Завещанная матерью жизнь-по-правде, на высокий лад</i> » [47, с.49]
2.	« <i>Внешняя рамка собственной судьбы поначалу виделась Цветаевой недостаточно драматической, слишком благополучной</i> » [47, с.49]
3.	« <i>То есть еще один жест великопленного презрения</i> » [47, с.51]
4.	« <i>Наступает время торжества: превосходных степеней, преувеличенного <...> любования собой и окружающими</i> » [47, с.54]
5.	« <i>Эта сугубо частная жизнь, намеренно ведущаяся в стороне от (не-ведущейся) литературной, призвана быть прекрасной</i> » [47, с.55]
	« <i>Ощутимая, ослепительная солнечность ее тогдашнего состояния и существования</i> » [47, с.57]
6.	« <i>Привычка встраивать свою биографию в высокий ряд литературных образцов</i> » [47, с.59]
7.	« <i>Задним числом вспоминались ею самой как дурной сон</i> » [47, с.61]
8.	« <i>Обольтенная слухами об удивительном детском приюте</i> » [47, с.61]
9.	« <i>Идет великая авантюра твоего детства</i> » [47, с.61]
10.	« <i>У нас будет сын, я знаю, что это будет, – чудесный героический сын, ибо мы оба герои</i> » [47, с.63]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.4

№	Примеры
11.	«И эта речь все еще оскорбляет воображение и слух, как <i>«воплъ тоски великой»</i> в «Осени» Баратынского» [47, с.67]
12.	«В своей, словесной вотчине могла – все и <i>прекрасно об этом знала»</i> [47, с.74]
13.	«И вот я в <i>великой тишине»</i> [47, с.78]
14.	« <i>Великая тишина оставленности»</i> [47, с.78]
15.	«По половинке на каждого – или же <i>на худой конец</i> – не видите его» [47, с.81]
Эссе «Что там увидела Алиса»	
1.	«А писали они на золотых досках алмазными грифелями и <i>отлично умели читать</i> по книжке и наизусть» [47, с.83]
2.	« <i>Замечательные чудачки и оригиналы»</i> [47, с.84]
3.	«Большая благодарность моим родителям за <i>отличное, умное и спокойное воспитание»</i> [47, с.85]
4.	« <i>Отличные, умные и спокойные рукописные тетради»</i> [47, с.85]
5.	«Один из немногих <i>хэппи-эндов</i> ушедшего столетия» [47, с.94]
6.	
Эссе «Божественный голод»	
7.	«Вряд ли человеком или женщиной и уж точно не еще одной «поэтессой» – но одной из <i>сверхреальных, гипнотических, великих классических героинь»</i> [47, с.110]
8.	«Я предпочту детей, и постель, и блестящих друзей, и <i>грандиозный стимулирующий дом»</i> [47, с.112]
9.	«И подарить ему детей, множество детей, в <i>великой муке и гордости»</i> [47, с.112]
Эссе «Последний герой»	
1.	«Мы не должны ждать от искусства развлечения или рассеяния – по крайней мере, не от <i>высокого искусства»</i> [47, с.120]
2.	«Я жила в компании бессмертных мертвецов – <i>«великих людей»</i> [47, с.120]
3.	«Что относится в нашем сознании к безнадежно и недавно утраченному времени, к старому миру за <i>границей прекрасной эпохи»</i> [47, с.121]
4.	«То, что Зонтаг вменяет себе в обязанность, – не что иное, как <i>величие»</i> [47, с.121]
5.	«С рассуждения о том, возможно ли еще в наши дни <i>величие в литературе»</i> [47, с.121]
6.	«Пруст не знал, что пишет <i>величайший из написанных романов»</i> [47, с.122]
7.	«Но он хотел написать <i>нечто великое»</i> [47, с.122]
	«Я хочу написать <i>нечто великое»</i> [47, с.122]
8.	«Корпус дневников и записных книжек (третий том еще не опубликован), пополнявшийся годами, кажется мне едва ли не <i>самым значительным из всего ею написанного»</i> [47, с.123]
9.	«И он очень похож на <i>«нечто великое»</i> [47, с.123]
10.	«Я думаю о ней как о Венере, вступающей в союз с Герой, <i>о великой олимпийской богине»</i> [47, с.126]
Эссе «Little black boy»	
1.	«Обещанный <i>грандиозный концертный марафон</i> <...> еще дразнил воображение» [47, с.131]
	«Ее <i>благая весть</i> , размноженная кинематографом, выставляет на всеобщее обозрение новое небо» [47, с.134]
Эссе «Родина щегла»	
1.	«И там уж <i>счастливо выдохнула»</i> [47, с.143]
2.	«Всего-то навсего сюжет <i>великого романа»</i> [47, с.144]
3.	«В-результате-взрыва-в-музее-мальчик-теряет-мать-и-ворует-великое-полотно» [47, с.144]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.4

№	Примеры
4.	«Например, что наконец-то явился <i>великий американский роман</i> » [47, с.145]
5.	«Щегол», большой, восьмисотстраничный – что делает <i>обжигающе приятным чтение</i> этой книги вживую, с бумаги» [47, с.145]
6.	«Между тем свой <i>великий американский роман</i> южанка Тартт уже написала» [47, с.145]
7.	«И тем не менее Тартт написала книгу, которая имеет в виду другой, двоюродный образец: английскую прозу, что на поверку оборачивается лучшим достижением цивилизации, <i>великими книгами</i> о юношестве и для юношества» [47, с.147]
8.	«И автор отсылает читателя не к Диккенсу со Стивенсоном, а к полке, на которой они стоят, к романам с чудесами, <i>страшными приключениями</i> и неременным хорошим концом» [47, с.148]
Эссе «Поэма без автора»	
1.	«Его <i>прекрасное лицо</i> было знакомо курсисткам и городовым» [47, с.157]
2.	« <i>Грандиозный неразрешенный диссонанс</i> » [47, с.161]
3.	«Оно в строчке, от которой всегда у меня замирает и ухает сердце – и <i>от невысказанного совершенства</i> , и от полной ее неожиданности» [47, с.165]
4.	«И это <i>великолепное, хамское жрала</i> » [47, с.165]
5.	«У Любочки с ними <i>отлично получалось</i> , а у него так и не вышло никогда» [47, с.166]
Эссе «На послесмертие поэта»	
1.	« <i>Фейерверк великолепных правонарушений</i> и прочая езда по встрече» [47, с.176]
2.	«У Высоцкого она трансформируется в <i>грандиозный памятник современному состоянию</i> » [47, с.181]
Эссе «О смерти и немного до»	
1.	«Там <i>замечательно</i> это включение предвосхищенной – воображаемой, когда писался этот текст, но абсолютно реальной – ситуации» [47, с.188]
2.	«Все стихотворение целиком, десятками тонких интонационных ниток привязанное <i>к поэзии высокого лада</i> » [47, с.211]
3.	«И это, пожалуй, самое удивительное происшествие стихотворения, его свидетельство, его <i>благая весть</i> » [47, с.212]
Эссе «С той стороны»	
1.	«Должно быть, <i>величайшая дерзость</i> – беседовать с читателем о настоящем в тоне абсолютной вежливости» [47, с.242]
2.	«Самая фраза, минуту назад казавшаяся <i>такой значительной</i> , внезапно может оказаться совершенно непримечательной» [47, с.245]
	«И это она запомнила не потому, что в описании было <i>что-то особенно замечательное</i> » [47, с.247]
3.	«На деле получается так, что имен обычно собирается <i>великое множество</i> » [47, с.249]
4.	«Выбранный способ противостояния небытию придает его книгам особый, ни на что не похожий статус — размещает их на ничейной земле, между <i>великой литературой</i> » [47, с.249]
Эссе «Предполагая жизнь»	
1.	«Чья-то неправота, которая разбирается с особым вниманием, как симптом, как еще одна <i>дурная новость</i> из длинного ряда» [47, с.266]
2.	Так что искусство всякое (и <i>великая литература</i> в том числе) еще все впереди» [47, с.273]

Таблица А.5 – Лексика альтернативной семантики, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

№	Примеры
Эссе «Позавчера сегодня»	
1.	«Из заурядной повседневности с ее вечными поводами для уныния <...> в реальность, в которой скука сменилась на что-то иное» [47, с.11]
2.	«Другое стихотворение, такое же, но другое, с другим выводом-выходом» [47, с.15]
3.	«Она оказывается одной из альтернативных реальностей» [47, с.20]
4.	«Одними и теми же строчками легко бить по головам и <i>тех и других</i> » [47, с.22]
Эссе «Разговоры в царстве мертвых»	
1.	«Страхи, которые ее преследуют, другие: нищета и голодная смерть» [47, с.30]
2.	«Советская Россия здесь описывается как <i>новая нестрана</i> » [47, с.30]
3.	«Здесь <i>другое</i> » [47, с.33]
4.	«Мы многое еще делаем <i>другое</i> » [47, с.35]
5.	«И наш обиход, усредненный, урезанный, искаженный, пытается помнить об <i>ином, лучшем, не нами заведенном</i> » [47, с.38]
6.	«Как никто, она знала, что ее жизнь прожита не так, ушла в <i>другое русло</i> » [47, с.38]
Эссе «Прожиточный максимум»	
1.	«Другим голосам (свидетелей-современников) отводится почетная и неблагодарная миссия» [47, с.44]
2.	«Характерно <i>другое</i> – то, как выбивается из общего («модного») обихода <i>преувеличенно-старомодный, намеренно-детский набор цветаевских предпочтений</i> » [47, с.48]
3.	«Уезжая из России, она запирает ее за собой, оставляет за спиной, как и собственную память о прошлом — <i>во имя новой, выпрямленной жизни</i> » [47, с.63]
4.	«Поются, как в русской сказке, <i>новым, перекованным горлом</i> » [47, с.64]
5.	«Новые стихи отрицают (отрясают) <i>старый способ думать и жить</i> » [47, с.64]
6.	«И их поэзия <i>новой образца</i> , не замутненная политической ангажированностью <...> предлагала возможность <i>новой литературы: несоветской, неэмигрантской, другой</i> » [47, с.70]
7.	«К работе <i>другого рода</i> Цветаева была непригодна <...> <i>ничего другого не могла</i> » [47, с.74]
Эссе «Что там увидела Алиса»	
1.	«Так, в <i>другой стране, изнутри другой катастрофы</i> , в мельчайших подробностях вспоминает детство обреченная героиня зебальдовских «Эмигрантов» [47, с.84]
2.	«Зато там есть про <i>другую книжку</i> – историю Алисы в стране чудес, которую она любила» [47, с.86]
3.	«Но для Alice Порет, полушведки-полуфранцуженки, стилизовать свою жизнь <i>под другую, легкую и вольную</i> , под остроумный переводной роман могло показаться естественным» [47, с.93]
Эссе «Последний герой»	
1.	«Судьбы тех, кем восхищалась, в ком видела <i>другую, лучшую себя</i> » [47, с.129]
2.	Эссе «Little black boy»
3.	«Другие все, числом поменьше, сообщают, что им эта смерть и вовсе сбоку припека» [47, с.131]
4.	«Строго говоря, это <i>мечта об иной природе</i> » [47, с.134]
5.	«И вот тут мы получаем на руки <i>другую мечту Нового времени</i> » [47, с.136]
6.	«Оказаться по <i>ту сторону</i> собственной кожи» [47, с.138]
Эссе «Родина щегла»	
1.	«Тартт написала книгу, которая имеет в виду <i>другой, двоюродный образец</i> » [47, с.147]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.5

№	Примеры
2.	«Здесь, совсем рядом, и <i>другие книги</i> этого ряда» [47, с.148]
Эссе «Поэма без автора»	
1.	«Я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения <i>старого мира</i>)» [47, с.161]
2.	«Это, действительно, выглядит так, словно <i>на смену старому языку пришел новый, дикий, никакого родства не помнящий</i> » [47, с.165]
3.	«И это великолепное, хамское жрала в сочетании с именем гетевской Миньоны и серыми гетрами принадлежит инструментарию какой-то <i>позаследующей эпохи</i> » [47, с.165]
4.	«А кажется, что <i>в другую историческую эпоху</i> » [47, с.170]
Эссе «На послесмертие поэта»	
1.	«Так уничтожали собственную речь <i>во имя новой, будущей</i> Зоценко и Бабель» [47, с.182]
2.	«У Высоцкого <i>другая задача</i> : он описывает/имперсонифицирует <i>другую, оптовую эпоху</i> » [47, с.182]
Эссе «О смерти и немного до»	
1.	«Перевод существует не сам по себе, но как бы замещая то <i>другое стихотворение</i> , что могло возникнуть и не возникло на его месте» [47, с.195]
2.	«Стихи замещают <i>иной текст</i> , который должен, но не может быть произнесен на этом месте» [47, с.195]
Эссе «Предполагая жить»	
1.	«Дорогой мой, я <i>ни о чем другом</i> так хорошо не помню!» [47, с.253]
2.	«Есть ощущение, что <i>здесь реальность</i> исходит из чего-то вроде неписаной конвенции» [47, с.256]
3.	« <i>Жизнь другого, выбор другого</i> <...> кажется скомпрометированной, червивой» [47, с.266]
4.	«Вот <i>другие друзья</i> обвиняют остающихся <...> в том, что их работа позволяет путинскому большинству делать вид, что жизнь продолжается» [47, с.267]
5.	«Тут империя зла, там <i>весь остальной мир</i> » [47, с.268]
6.	«Хуже <i>другое</i> : жизнь с опороченным, полуотменным завтра ставит под сомнение и любое сегодня» [47, с.269]
7.	«Тогда, кто знает, станет возможным и <i>другое прошлое</i> » [47, с.273]
Эссе «Против нелюбви»	
1.	«Получается, что убедительной <i>ту или иную версию</i> делает хорошо дозированное присутствие грязи» [47, с.278]

Таблица А.6 – Дескриптивная лексика с эмоционально-оценочными коннотациями, выявленная в сборнике эссе М. Степановой «Против нелюбви»

№	Примеры
Эссе «Позавчера сегодня»	
1.	« <i>Либерал Милуков</i> публично пожал в Думе руку <i>черносотенцу Пуришкевичу</i> » [47, с.9]
Эссе «Прожиточный максимум»	
1.	«В их отношениях именно ему отводилась роль <i>правого</i> » [47, с.62]
2.	«Чем он отличается от <i>молчащего большинства?</i> » [47, с.65]

Продолжение Приложения А

Продолжение таблицы А.6

№	Примеры
3.	«На короткий срок она непреднамеренно оказалась тем, чего всегда чуралась: <i>выразителем чайной эпохи</i> » [47, с.69]
4.	«Африка-лирика, «забытая» Пастернаком во имя <i>безликого множества</i> и красавицы-представительницы этого множества» [47, с.73]
	«Последнее место, где еще можно найти вещи и качества, откуда ею воспринятые и <i>несвойственные новой эпохе</i> » [47, с.78]
	Эссе «Что там увидела Алиса»
1.	«В середине 20-х еще можно было относить себя к <i>левым</i> » [47, с.91]
	Эссе «Бронзовая бабушка»
1.	«Ее <i>век – золотой</i> » [47, с.99]
	Эссе «Родина щегла»
1.	«Там лучше всего, все заряжено будущим <i>волиебством</i> » [47, с.144]
2.	«Тут и Оливер Твист, и Дэвид Копперфильд, и вся <i>армия широкосердечных стариков</i> с рождественскими огнями» [47, с.146]
	Эссе «На послесмертие поэта»
1.	« <i>Ни в святцы, ни в страшилки</i> этот сюжет не годится» [47, с.177]
2.	«У Высоцкого другая задача: он описывает/имперсонировывает другую, <i>оптовую эпоху</i> » [47, с.182]
	Эссе «Предполагая жить»
1.	«Заменить в письме Милюкова на Милонова..., а Союз русского народа – на <i>нацистов</i> » [47, с.251]
2.	«Вот другие друзья обвиняют остающихся <...> в том, что их работа позволяет <i>путинскому большинству</i> делать вид, что жизнь продолжается» [47, с.267]